К 50 2/30

4 Ж50 2/30

ПАМЯТИ
БАРОНЕССЫ АННЫ ФЕДОРОВНЫ
МЕЙЕНДОРФЪ.

„ПОРТЮГАЛЬ"

Весь доходъ съ изданья поступитъ въ фондъ для сооруженія безплатной кровати имени погибшей на «Портюгалѣ» старшей сестры милосердія, бар. А. Ф. Мейендорфъ, въ хирургическомъ отдѣленіи больницы Касперовской Общины Краснаго Креста Одесса, Маріинская ул. № 2.

ОДЕССА.
Тип. Акціонернаго Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла.
(Пушкинская, 18).
1916.

ст Ж50 2/30

ПАМЯТИ
БАРОНЕССЫ АННЫ ФЕДОРОВНЫ
МЕЙЕНДОРФЪ.

„ПОРТЮГАЛЬ“

Весь доходъ съ изданья поступитъ въ фондъ для сооруженія безплатной кровати имени погибшей на «Портюгалѣ» старшей сестры милосердія, бар. А. Ф. Мейендорфъ, въ хирургическомъ отдѣленіи больницы Касперовской Общины Краснаго Креста. Одесса, Маріинская ул. № 2.

ОДЕССА.
Тип. Акціонернаго Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла.
(Пушкинская, 18).
1916.

Дозволено военной цензурой.

Анна

Старшая сестра госпитальнаго судна „Портюгаль“ баронесса Анна Федоровна Мейендорфъ, Общины Св. Георгія.
Одесса. 1906 г.

Родилась 7 сентября 1871 г. Скончалась 17 марта 1916 г.

АННА

17 марта 1916 г. въ Черномъ морѣ у города Офа нѣмецкая подводная лодка подошла къ беззащитно стоявшему въ ожиданіи транспорта раненыхъ франко-русскому госпитальному судну «Портюгаль» и потопила его, выпустивъ по немъ двѣ мины. Фактъ этотъ извѣстенъ всѣмъ и вызвалъ всеобщій взрывъ ужаса и негодованья. Міръ содрогнулся отъ неслыханнаго и безпримѣрнаго въ исторіи войнъ злодѣянья и преклонился передъ славною памятью его невинныхъ жертвъ, вѣнцы мученическіе стяжавшихъ. Въ числѣ погибшихъ значилась старшая сестра милосердія Баронесса Анна Федоровна Мейендорфъ.

Такъ погибла Анна. Почему ея смерть вызвала въ сердцѣ каждаго изъ насъ, знавшихъ ее и любившихъ, такое сильное и яркое чувство незамѣнимой утраты и ничѣмъ незаполнимой пустоты? Почему эта пустота такъ велика и болѣзненна, что кажется порою, что съ Анною не только ушло изъ нашей внѣшней жизни близкое и дорогое существо, но ушла изъ жизни внутренней, душевной какъ бы частица нашей собственной жизненной силы? Потому что Анна была сама жизнь, сама любовь—источникъ всякой жизни,—та любовь, о которой Апостолъ Павелъ говоритъ, что безъ нея человѣкъ ничто. (1Перв. посл. Коринф. гл. XIII 2). Почему, оплакивая ея смерть, мы плачемъ не о ней, не изъ чувства жалости къ ней самой, къ безвременно погибшей человѣческой жизни? Мы, ее потерявшіе, плачемъ о себѣ и жалѣемъ другъ друга. Не только потому что мы ее любили, но потому что она любила насъ.

Встрѣчаясь съ нами на жизненномъ пути, Анна не была случайнымъ свидѣтелемъ нашихъ переживаній, она сама ихъ вмѣстѣ съ нами переживала. Нашимъ огорченьямъ она не сочувствовала, а сама горевала нашимъ горемъ. Наши печали мы несли къ ней, инстинктивно сознавая, что отъ нея получимъ то облегченье, которое получаетъ всякій несущій тяжелую ношу, какъ только другой человѣкъ возьметъ на себя половину ея тяжести. И всегда мы это облегченье получали. Всякая наша радость усугублялась тѣмъ, что она становилась и ея личною радостью. Наши радости мы также спѣшили нести къ ней, потому что ими намъ хотѣлось и ее обрадовать.

Она насъ любила и намъ позволяла себя любить и знать. Ея чистая и довѣрчивая душа была

„....какъ озеро прозрачна и сквозна,
И взоръ мы погрузить въ нея могли до дна,
И ясно видѣть глубь, гдѣ, какъ блестящій кладъ,
Любви ея..... сокровища лежатъ“.

(А. Толстой).

Въ часы печали намъ грустно безъ Анны, въ минуты радости намъ скучно безъ нея. Намъ хорошо бывало съ нею и весело. Когда она дѣлилась съ нами тѣми впечатлѣньями, которыя она сама такъ ярко воспринимала, слушая ее, намъ всегда казалось, что то, о чемъ она разсказываетъ, необычайно интересно и забавно. Всякое дѣло, которое мы дѣлали съ ея участьемъ, казалось не только легкимъ, но и веселымъ. Во всякомъ нашемъ удовольствіи намъ хотѣлось, чтобы участвовала и она, потому что пойти въ гости, или на прогулку, или въ театръ, или заняться игрою въ карты—съ Анною всегда бывало весело, а безъ нея, казалось, пожалуй и вовсе не стоитъ затѣвать. Теперь намъ стало ясно, что такъ весело, какъ намъ бывало съ нею, ни съ кѣмъ другимъ намъ быть не можетъ. Она украшала нашу жизнь, вносила въ нее какую-то неизъяснимую прелесть. Мы ясно чувствуемъ, что вмѣстѣ съ Анною эта прелесть изъ нашей жизни ушла, но опредѣлить ее мы никакими словами не можемъ.

Ея жизненная сила была такъ велика, что оживляла все, ее окружавшее. Она жила всѣмъ существомъ своимъ, всею полнотою жизни. И это отличительное ея свойство поражало всѣхъ, даже при случайной и мимолетной съ нею встрѣчѣ. Про Анну можно почти безъ преувеличенья сказать, что она была солнечнымъ лучемъ, приносящимъ тепло и свѣтъ всюду, куда бы онъ не проникалъ.

Но кто же мы? Про Анну часто говорятъ: «Ее всѣ любили». И это не фраза, а точная истина. Близкіе ея, друзья, хорошіе знакомые, просто знакомые, незнакомые, имѣвшіе съ нею случайныя или дѣловыя сношенья, раненые и больные, сестры милосердія, врачи, санитары—съ нею работавшіе, домашняя прислуга, служившая не только у нея, но и въ домахъ, которые она часто посѣщала,—словомъ всѣ безъ исключенья ощущали обаянье ея личности, простоту, искренность и доброжелательность, съ которыми она ко всѣмъ относилась.

Что было источникомъ исходившихъ отъ нея тепла и свѣта? Все тотъ же источникъ всякой животворящей силы—любовь... Да, Анна любила всѣхъ, и всѣ ее любили именно потому, что были ею любимы. Любовь къ ближнему основная черта ея духовнаго облика. Любовь, проникавшая все ея существо, не та, что, умѣя пожалѣть, не умѣетъ помочь чужой бѣдѣ, а та, которая знаетъ, какъ утѣшить и чѣмъ помочь. Любовь, не тихимъ свѣтомъ мерцающая, но яркимъ пламенемъ озарившая всю ея жизнь и смерть. «Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ».

Анна была истиннымъ другомъ ближняго своего. Вотъ почему она такъ легко сходилась съ людьми. Къ нимъ она умѣла подойти вплотную. Она шла къ людямъ довѣрчиво, не ожидая, чтобы они направились къ ней. Сближаясь съ ними, изучая ихъ, не для ихъ нравственной оцѣнки, а лишь для того, чтобы ихъ понять, она искала въ нихъ добра, и зла не замѣчала. И то, что Анна искала, она почти всегда находила. Ея вѣра въ добро была такъ сильна, ея ожиданье добра отъ другихъ такъ очевидно, что люди невольно какъ бы откликались на этотъ призывъ. Они не становились лучше и даже не старались скрывать своихъ недостатковъ, но Аннина увѣренность въ томъ, что они «хорошіе», пробуждала въ нихъ наибольшее количество доступнаго имъ добра, и часто въ отношеніи къ ней проявлялись ихъ лучшія чувства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Анна наталкивалась на зло, слишкомъ очевидное, она глубоко огорчалась, возмущалась и недоумѣвала, почему люди дурно поступаютъ. Зло всегда казалось ей невѣроятнымъ, потому что въ ея собственной душѣ оно не находило никакого отклика. Оно ей представлялось чѣмъ то чудовищнымъ и непонятнымъ, какъ бредъ больного непонятенъ для здороваго. А вмѣстѣ съ тѣмъ и къ этому ей чуждому проявленью души человѣческой она никогда не могла относиться пассивно. Отъ него она не отвернулась и передъ нимъ не отступала. Со зломъ она боролась вездѣ, гдѣ и чѣмъ могла, упорно, настойчиво, не щадя своихъ

силъ. Боролась она не порицаньемъ, а убѣжденьемъ и своимъ личнымъ желаньемъ возстановить поруганную правду. Эту правду Анна любила всѣми силами души своей и вѣрила непоколебимо въ необходимость ея торжества. Она думала, что люди поступаютъ дурно не по злой волѣ и даже не вслѣдствіе отсутствія въ нихъ доброй воли, а по какому-то странному непониманью. И потому она всегда считала своимъ нравственнымъ долгомъ имъ объяснить, что поступать слѣдуетъ иначе. Въ этомъ Анна не только проявляла необычайную настойчивость, но часто достигала опредѣленныхъ результатовъ.

Для поясненья достаточно привести одинъ и, по всей вѣроятности, единственный въ своемъ родѣ примѣръ.

Въ 1909 г., находясь въ К—ой губерніи, гдѣ она въ то время гостила у своей сестры, Анна случайно узнала, что три сына одного изъ мѣстныхъ крестьянъ и одинъ его односельчанинъ вызваны N—скимъ военнымъ судомъ по дѣлу объ убійствѣ урядника во время происшедшей между нимъ и крестьянами драки, что обвинены они по статьѣ закона, предусматривающей преднамѣренное убійство должностного лица при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, и что имъ угрожаетъ смертная казнь. Выслушавъ подробный объ этомъ разсказъ, Анна убѣдилась, что въ дѣйствительности произошло лишь избіеніе пьяными крестьянами не менѣе ихъ пьянаго урядника, окончившееся смертью послѣдняго, -рѣшила, что «такъ нельзя» и тотчасъ же выѣхала въ N. Тамъ она разыскала вызванныхъ по этому дѣлу свидѣтелей, вступила въ личные переговоры съ защитниками обвиняемыхъ, старалась заинтересовать всѣхъ могущихъ повліять на исходъ дѣла лицъ, хлопотала, убѣждала и всѣмъ объясняла, что произошло явное недоразумѣніе и что казнь обвиняемыхъ была бы по меньшей мѣрѣ недопустимою нелѣпостью. Отдавшись всецѣло этому дѣлу, она волновалась и мучилась мыслью, что отъ успѣха того, что она предприняла, что она взяла на себя, зависитъ жизнь четырехъ людей.

Въ то время въ N находился въ числѣ другихъ свидѣтелей родственникъ одного изъ обвиняемыхъ. Этотъ родственникъ разсказалъ Аннѣ о странномъ пророчествѣ своей сестры. Сестра его была съ дѣтства придурковатой, жила въ монастырѣ и тамъ считалась прозорливою. При свиданьи съ нею братъ просилъ ее помолиться объ упокоеніи обвиняемыхъ, которыхъ онъ въ то время почему то считалъ уже казненными. Прозорливая отвѣтила, что они живы и будутъ живы и что надо лишь молиться Преподобнымъ Іоакиму и Аннѣ. Разсказъ этотъ произвелъ на Анну сильное впечатлѣніе.

Защитники требовали отъ Анны, чтобы она явилась въ судъ въ качествѣ свидѣтельницы, и давали ей совѣты, какъ ей на судѣ говорить, для достиженія желаемаго результата. Пѣть съ чужого голоса, изображать факты не просто такъ, какъ они ей самой представлялись, освѣщать ихъ преднамѣренно съ извѣстной наиболѣе выгодной стороны—Анна не умѣла, а сознаніе, что ея неумѣнье можетъ погубить подсудимыхъ, пугало ее. Защитники настаивали на ея выступленіи передъ судомъ и придавали ея свидѣтельству чуть ли не рѣшающее значеніе, и Анна согласилась.

Ея желаніе спасти этихъ ей совершенно чужихъ людей, которыхъ она увидала въ первый разъ лишь въ день суда, было такъ горячо, что оно помогло ей побороть и свой страхъ и свое отвращеніе ко всему, не вполнѣ соотвѣтствующему истинѣ. «Когда я шла въ судъ», разсказывала Анна, «я рѣшилась лгать. Мнѣ было такъ страшно, какъ никогда въ жизни не бывало». Что могло ее такъ напугать? То, что она должна спасти подсудимыхъ и не сумѣетъ этого исполнить. Въ первый и за всю ея жизнь единственный разъ Анна рѣшилась лгать. Во имя спасенія ближняго своего она жертвовала всѣмъ, даже своей совѣстью. Сознавала ли она, что ея рѣшеніе было вызвано чувствомъ самоотверженія? Нѣтъ: ей было стыдно передъ самой собою. Она разсказывала потомъ, что въ то время, когда ее приводили къ присягѣ, она измѣнила свое рѣшеніе и въ своихъ

показаніяхъ отъ истины не отступала, и потому, изъ боязни говорить по своему, не такъ, какъ совѣтовали профессіональные защитники, отвѣчала плохо, неувѣренно, безсвязно, неубѣдительно.

Передъ судьями стояла свидѣтельница, очевидно, никакого личнаго отношенія къ подсудимымъ не имѣющая. Ея робость передъ непривычною ей торжественностью обстановки, ея безхитростные отвѣты, ея манера говорить, тѣ выраженія, которыя она употребляла, словомъ всѣ «показанія этой дамы» ясно указывали на то, что рѣшиться на такое выступленіе она могла лишь исключительно въ силу своего глубокаго нравственнаго убѣжденія въ невиновности подсудимыхъ. Анна не подозрѣвала, что говорить болѣе убѣдительно, чѣмъ говорила она, было невозможно.

Судъ приговорилъ обвиняемыхъ къ каторжнымъ работамъ. Ихъ жизнь была спасена. Анна вернулась домой совершенно разбитой. У нея такъ дрожали руки, что, когда ей подали чай, она не могла держать чашку.

Но этимъ дѣло не окончилось. Въ судопроизводствѣ нашлось какое то не вполнѣ точное соблюденіе формальностей, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло было назначено къ пересмотру. Было ясно, что кто-то принципіально добивается полнаго осужденія обвиняемыхъ. Висѣлица снова появилась надъ ихъ головами. Оставалось признать ихъ положеніе безнадежнымъ, сложить руки и удовлетвориться сознаніемъ того, что для ихъ спасенія все возможное было уже сдѣлано.

Но такъ Анна разсуждать не умѣла. Она не успокоилась, не отступилась и не перестала надѣяться, вторично поѣхала въ N, опять хлопотала, убѣждала и волновалась, но страха она больше не испытывала. Кто-то добивался несправедливости. Анна защищала правду, и въ этой неравной борьбѣ она одержала побѣду. Двоихъ изъ подсудимыхъ судъ оправдалъ совсѣмъ, а двоимъ, вмѣсто наказанія, было защитано уже отбытое ими предварительное заключеніе. Такимъ образомъ, Аннины «повѣшанные», какъ она ихъ впослѣдствіе, шутя, называла, оказались не только спасенными, но и освобожденными. Анна ликовала. Въ тотъ день она обѣдала со своими знакомыми въ одномъ изъ N-скихъ ресторановъ, была необычайно оживлена и отъ всей души веселилась.

Не только для самихъ «повѣшанныхъ», но и для всякаго, знавшаго всѣ подробности этого дѣла, было вполнѣ очевидно, что своимъ спасеніемъ эти люди были обязаны исключительно Аннину вмѣшательству. Въ ея вещахъ осталась икона Св. Анны и благодарственное письмо, которыя она получила послѣ выхода «повѣшанныхъ» изъ тюрьмы.

«Добрѣйшая Анна Федоровна», писали они, «Будьте здоровы. Богу угодно было ниспослать намъ единственнаго избавителя, васъ, отъ неминуемой и явной нашей гибели, къ неописуемой нашей радости. Мы не можемъ такъ васъ возблагодарить, а потому, видя, что по провиденію Господа, пославшаго того человѣка, коимъ сохранена жизнь наша, мы посылаемъ и считаемъ счастливыми себя, что вы не откажите принять отъ насъ въ память нашего избавленья образъ. Остаемся извѣстные и всегда покорные вамъ». (Подписи).

Можно было бы привести еще другіе примѣры, также обоснованные вполнѣ реальными фактами, и тому свидѣтелей много. Если бы всѣ тѣ, кому Анна оказала помощь, о которыхъ она хлопотала, для которыхъ она добивалась,—словомъ тѣ, которыхъ она выручала изъ бѣды, не щадя ни физическихъ, ни нравственныхъ своихъ силъ, не боясь никого и ничего и не передъ какими препятствіями не отступая,—если бы всѣ эти люди могли встрѣтиться, то они были бы удивлены своею многочисленностью.

Сама же Анна всегда утверждала, что она въ жизни ненужный, ничего не дѣлающій, совершенно лишній, какъ говорится, некчемушній человѣкъ, и часто этимъ огорчалась.

Баронесса А. Ф. Мейендорфъ на своей приморской дачѣ. Одесса, Большой Фонтанъ.

Единственное изъ всѣхъ содѣянныхъ ею дѣлъ, которое Анна не считала «пустякомъ», было дѣло о «повѣшанныхъ». Послѣ его благополучнаго окончанія она однажды сказала: «А я думала, что я на свѣтѣ совсѣмъ ненужная. Можетъ быть, я для того и жила, чтобы ихъ спасти». И тотчасъ добавила: «Ну а теперь я навѣрное больше не для чего не нужна».

Почему Анна, живая, общительная, привѣтливая, добрая, веселая, забавная, подчасъ шаловливая и всегда обаятельная, но ничего героическаго въ своемъ внѣшнемъ обликѣ не имѣвшая,—почему она могла и умѣла дѣлать, сама того не замѣчая, такое большое и трудное дѣло, какъ служеніе правдѣ? Потому что она сама была безусловно правдива во всѣхъ своихъ поступкахъ, чувствахъ, мысляхъ и словахъ,—правдива до щепетильности. Она такъ горячо любила правду, что не могла не стремиться къ ней всѣми силами, не могла выносить ея поруганья, не требовать ея торжества.

20-го августа 1900 г. Анна записала въ своемъ дневникѣ:

«Въ некрологѣ Стасовой прочла слѣдующее:

La vérité combat pour s'ouvrir un chemin,
Et je ne prendrai pas part à ce grand drame?
Quoi, ce coeur qui bat là, pour être un coeur de femme,
En est-il moins un coeur humain?

(Правда борется, чтобы пробить себѣ дорогу, а я не буду участвовать въ этой великой драмѣ? Неужели сердце, которое во мнѣ бьется, лишь потому, что оно сердце женщины, не сердце человѣка?).

Совершенно вѣрно: именно всѣмъ, и женщинамъ и всякому человѣку il faut prendre part à ce grand drame de la vie et tâcher d'ouvrir un chemin pour la vérité. Chacun doit tâcher d'apporter tout ce qui est dans son pouvoir pour faire un peu avancer la vérité. En avant donc, et courage!

(Нужно принимать участіе въ этой великой жизненной драмѣ и стараться открыть правдѣ дорогу. Всякій долженъ внести все, что ему возможно, чтобы хоть немного продвинуть правду. Итакъ впередъ, храбрѣе)!»

Почему, всегда сражаясь съ кривдою, Анна часто побѣждала въ этой столь для человѣка непосильной борьбѣ? Потому что она не только любила правду и вѣрила въ ея существованіе, но и всегда надѣялась на ея торжество; потому что въ ея душѣ, по словамъ Апостола Павла, пребывали сіи три: Вѣра, Надежда, Любовь,—но любовь изъ нихъ больше (Перв. посл. Коринф. гл. XIII 13). Тѣ три, коими выражается высшая духовная жизнь человѣка.

Такова была Анна въ своей обыденной жизни, внѣ своей общественной дѣятельности. Она была по истинѣ удивительный человѣкъ, но самое удивительное въ ней было то, что она самою себя не сознавала, не сознавала ни глубины, ни чистоты, ни яркости своей души, не замѣчала ту безпрерывную нить своихъ добрыхъ дѣлъ, которою такъ ясно обозначенъ ея жизненный путь. Не ей ли сказано: «Ты же раздавай милостыню такъ, чтобы лѣвая рука твоя не вѣдала, что дѣлаетъ правая?» А дѣлъ на ея пути находилось много, потому что пройти безучастно мимо чужой бѣды она никогда не могла.

Почему же эти дѣла Анну не удовлетворяли? Потому что, окончивъ какое-нибудь дѣло, она не говорила себѣ: «Я это сдѣлала». Она думала: «Мнѣ больше нечего дѣлать». И ей становилось грустно. Ея всегда жаждущая правды душа была ненасытна, искала того бо́льшаго, о которомъ писалъ Апостолъ: любви совершенной. Она стремилась къ подвигу, не изъ тщеславія, не изъ желанія сдѣлать больше другихъ людей, воз-

величиться, какъ въ чужихъ, такъ и въ своихъ глазахъ. Этотъ подвигъ былъ глубокой, неотступною и вмѣстѣ съ тѣмъ самою сокровенною потребностью ея души, о которой она словами никогда не говорила. Этотъ высшій подвигъ самоотверженія, тайно желанный, вѣчно искомый, для счастья души ея необходимый, Анна нашла, смиренно и безтрепетно приняла и совершила.

«Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся».

* * *

Весною 1899 г. Анна вступила впервые на поприще общественной дѣятельности. Не имѣя еще въ то время званья сестры милосердія, она въ качествѣ добровольной помощницы поѣхала съ отрядомъ Одесской Касперовской общины Краснаго Креста въ Ставропольскій уѣздъ Самарской губерніи на голодовку и эпидемію цынги и тамъ проработала все лѣто при одномъ изъ врачебно-питательныхъ пунктовъ

Врачебно-питательный отрядъ Касперовской Общины.
Уполномоченный Краснаго Креста С. В. Александровскій,
Бар. А. Ф. Мейендорфъ (въ бѣлой шляпѣ).
Попечительница Касперовской Общины Гр. Е. В. Капнистъ.
Ставропольскій уѣздъ, Самарской губ. 1899 г.

Въ профессіональномъ составѣ этого отряда Анна являлась совершенно новымъ и чуждымъ элементомъ. Она разсказывала, что въ началѣ ея совмѣстной работы съ сестрами милосердія, во время которой ей приходилось жить съ ними въ крестьянскихъ избахъ, въ непривычной обстановкѣ, въ той тѣснотѣ и неизбѣжной интимности, которыми всегда сопровождается походная жизнь, эти профессіональныя сестры явно усматривали въ ней «какую-то барышню, взявшуюся не за свое дѣло», и это очень ее огорчало.

Что могло вызвать ихъ недовѣрчивое отношеніе? Лишь то, что онѣ Анну еще не знали. Познакомившись съ нею, ея новые товарищи, какъ и всѣ, были вскорѣ покорены ея обаятельной личностью, а съ тою изъ сестеръ, съ которой она по обстоятельствамъ ихъ общей работы ближе всего могла сойтись, Анна до конца своихъ дней сохранила личныя дружескія отношенія.

Какъ приступила Анна къ работѣ и какъ она ее исполняла? Не имѣя въ то время ни профессіональнаго опыта ни спеціальныхъ медицинскихъ познаній, Анна просто помогала гдѣ и чѣмъ могла. Объ этой первой Анниной командировкѣ бывшая въ то время попечительница Касперовской общины разсказала:

«Баронесса Анна Федоровна Мейендорфъ въ 1899 г. вмѣстѣ съ другими членами небольшого отряда Краснаго Креста поѣхала со мною въ приволжскія губерніи, гдѣ свирѣпствовали тогда голодъ, цынга и тифъ, и тутъ она оказалась одною изъ самыхъ ревностныхъ и неутомимыхъ работницъ. Работа была не тяжелая, но и не интересная, скучная, въ полномъ смыслѣ—сѣренькая; приходилось хоцить изъ одной избы, изъ одной татарской сакли въ другую, смазывать распухшія десны цынготныхъ, растирать больные члены ихъ, выдавать провизію для столовой, кормить стариковъ и дѣтей, все это дѣлая при самой примитивной обстановкѣ. Часто мнѣ приходилось видѣть Анну Федоровну

между татарскими ребятами, которыхъ она обмывала, одѣвала въ привезенныя нами платья и кормила ею же сваренною похлебкою. Часто мать ихъ, татарка, сведенными отъ контрактуры послѣ цынги ногами не могла двигаться иначе, какъ ползкомъ, и, не умѣя выразить свою благодарность словами, только ласкала добрую сестру, проводя грязною рукою по ея волосамъ и платью, лепеча какія-то слова на непонятномъ намъ языкѣ. Помню, какъ сестра Мейендорфъ, посланная мною вмѣстѣ съ другою сестрою въ большое русское село, разоренное послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неурожая, для открытія тамъ перваго нашего краснокрестоваго госпиталя, развернула весь этотъ госпиталь впродолженіи двухъ сутокъ, работая неустанно день и ночь. Я какъ будто и теперь вижу передъ собою картину нашего пріѣзда въ это село вмѣстѣ съ главноуполномоченнымъ: тихій лѣтній вечеръ, убогія избы, разсыпанныя на небольшомъ холмѣ, куча крестьянъ, встрѣтившая насъ съ хлѣбомъ-солью у околицы; госпиталь нашъ, развернувшійся въ большомъ зданьи старой школы, блаженно улыбающіяся лица стариковъ и дѣтей, лежавшихъ въ чистомъ бѣльѣ на нашихъ бѣлыхъ кроватяхъ Краснаго Креста, накормленныхъ и обласканныхъ сестрами, а главное, сіяющія радостныя, хотя истомленныя лица этихъ двухъ сестеръ, показывавшихъ мнѣ результаты своей быстрой но плодотворной работы. По словамъ священника онѣ почти не ѣли и не спали впродолженіи двухъ сутокъ».

Анна всегда искала всякіе способы сближенья съ тѣми людьми, среди которыхъ ей приходилось работать, и между прочимъ старалась усвоить ихъ языкъ. Она хорошо знала всѣ иностранные языки, говорила и по польски и по малороссійски, но сверхъ того изучала по самоучителямъ въ Самарской губерніи татарскій языкъ, въ Манжуріи—китайскій, въ Галиціи, имѣя дѣло съ военноплѣнными,—мадьярскій.

Въ Аннинхъ бумагахъ остался благодарственный адресъ отъ муллы и прихожанъ мечети деревни Татарской-Украйниной.

«Мы всегда», писали они «будемъ благословлять ваше пребыванье у насъ и вспоминать о немъ, какъ о ниспосланномъ въ лицѣ вашемъ милосердіи Бога, для прекращенья гнѣва его. А также мы, такъ и дѣти наши, во всю жизнь будемъ молиться, чтобы Богъ сохранилъ драгоцѣнное для нуждающихся здоровье ваше и далъ вамъ силъ на долгое время осушать слезы несчастныхъ бѣдняковъ съ той же энергіей, безкорыстьемъ и самоотверженіемъ, какъ вы исполняли это во все время пребыванья вашего у насъ».

Такъ началась Аннина общественная дѣятельность.

* * *

Когда была объявлена война Россіи съ Японіей, Анна поспѣшила поступить на курсы сестеръ милосердія при Касперовской общинѣ, прослушавъ ихъ, приписалась къ петроградской общинѣ Св. Георгія и съ отрядомъ этой общины, 4-го апрѣля 1904 года отправилась на Дальній Востокъ.

Надѣвъ на себя крестъ, облекшись въ смиренную одежду сестры милосердія, которая, казалось, къ ней совсѣмъ не подходила, Анна не измѣнилась. Она осталась все тою же живою, общительною, веселою и шаловливою Анною, которая и раньше такъ нравилась всѣмъ.

Нынѣ покойная и въ то время уже очень пожилая настоятельница общины Св. Георгія, бывшая сестрою милосердія еще въ турецкую кампанію, была, какъ говорится, сестрою стараго закала. Дѣлу своему она была предана всей душою, всегда держала высоко знамя своей общины и, будучи сама вполнѣ проникнута сознаніемъ высокаго назначенія сестры милосердія, умѣла внушать его своимъ сестрамъ и всегда стремилась это сознанье поддерживать строгою дисциплиною. Она знала Анну еще до ея причисленія къ общинѣ и всегда ее любила. «Анна бунтовщица», часто говорила она и другимъ

й самой Аннѣ, и въ этихъ словахъ звучало столько ласки, что невольно приходило въ голову, что, быть можетъ, эта «бунтовщица» ей милѣе многихъ изъ ея смиренныхъ и покорныхъ общинскихъ сестеръ.

Анна сдѣлалась сестрою милосердія также просто и неторжественно, какъ она дѣлала все...

Тридцать двѣ сестры милосердія, случайно соединенныя судьбою, заключенныя въ тѣсномъ вагонѣ, оторванныя не только отъ своей прошлой жизни, но и отъ всего настоящаго, внѣ ихъ маленькаго міра происходившаго,— жили какою то странною и совершенно обособленною жизнью. Та же столкнувшая ихъ судьба принуждала ихъ къ безпрерывному и тѣсному другъ съ другомъ общенью. Ихъ вѣчно движущійся домъ былъ такъ малъ, что въ немъ положительно не находилось никакого пространства, не занятаго сестрами и ихъ вещами, и получалась физическая невозможность уединиться хотя бы на полчаса. Къ такой жизни можно привыкнуть и впослѣдствіе даже находить въ ней извѣстную прелесть и своеобразный уютъ, но въ началѣ нельзя не тяготиться вѣчнымъ присутствіемъ чужихъ, почти не знакомыхъ людей, и жизнью этою тяготились всѣ. Хотя всѣ и старались поскорѣе перезнакомиться и найти тотъ товарищескій тонъ, отъ котораго ожидали, что, какъ только онъ будетъ найденъ, всѣмъ станетъ другъ съ другомъ удобно, въ глубинѣ души своей каждый отдѣльный членъ этого товарищества, сильнѣе, чѣмъ сойтись съ остальными, желалъ хоть на одинъ часъ отъ нихъ избавиться. Тѣмъ временемъ внѣшній складъ жизни самъ собою принималъ совершенно домашній, почти семейный характеръ, съ неизбѣжными хозяйствомъ и уборкой, въ которыхъ всѣмъ приходилось принимать дѣятельное участіе. Но уютно не было никому, кромѣ Анны. Почему? Потому что одна Анна не чувствовала себя среди чужихъ. Она такъ любила людей, что чужихъ для нея вообще не существовало.

Почему, среди всей этой тѣсноты, непривычной работы, болтовни и шума, безпорядка и суеты одна Анна была, какъ дома? Потому что кругъ ея индивидуальной жизни былъ шире покинутаго ею круга жизни домашней и удобной. Потому что этотъ кругъ былъ не только обширенъ, но въ немъ вмѣщалось все, ее окружавшее, и свободно, естественно и неизбѣжно входило все, на пути ея встрѣчавшееся. Ее не стѣсняли ни близость чужихъ, ни отдаленность своихъ, потому что никакое пространство, ни малое ни большое, ее ограничить не могло. Въ своемъ отношеніи къ людямъ и къ жизненнымъ явленіямъ Анна не знала преградъ и ко всему подходила, не задумываясь, по кратчайшему, то есть прямому пути, рѣшительными, твердыми и быстрыми шагами, свободно, легко и незамѣтно переступая черезъ всѣ препятствія, часто казавшіяся другимъ непреодолимыми. Врядъ ли найдется человѣкъ, которому для душевнаго сближенія съ Анною пришлось сдѣлать какое-нибудь нравственное усиліе. Къ ней доступъ каждому всегда былъ открытъ, кто бы ни былъ онъ и какое бы мѣсто въ жизни не занималъ. Дѣтямъ, старикамъ, бѣднымъ и богатымъ, людямъ интеллигентнымъ и простому народу, умнымъ и глупымъ, здоровымъ и больнымъ,—всѣмъ было съ Анною одинаково хорошо, удобно и уютно. Она была, какъ тотъ живительный и благодатный дождь, который падаетъ одновременно на праведниковъ и на грѣшниковъ, не по выбору своему, не по своей волѣ, а лишь потому, что таково его назначеніе.

Много Анна сдѣлала для людей, и многимъ она послужила, но и тѣ, которымъ она не имѣла случая оказать какую-либо вещественную помощь, для которыхъ она ничего опредѣленнаго не сдѣлала,—и они не остались ею обездоленными. Если бы каждый изъ встрѣчавшихся съ нею обратилъ свой внутренній взоръ въ сердце свое, то нашелъ бы въ немъ, быть можетъ, на самомъ днѣ его, хоть одну каплю той росы живой, которую Анна такъ щедро расточала. Нѣтъ, не щедро, потому что щедрымъ можно быть, лишь сознавая свою щедрость, лишь намѣренно отмѣривъ много того, что хочешь дать. Анна

же давала такъ, какъ одна она давать умѣла, все цѣликомъ, не отмѣривая, давала нечаянно, не зная, что она что-либо даетъ. Это одно изъ самыхъ яркихъ ея душевныхъ свойствъ.

Почему всѣмъ отъ общенья съ Анною становилось лучше на душѣ, а быть можетъ, и сами они становились лучше? Оттого что, узнавъ Анну, они убѣждались, что такой человѣкъ, какимъ была она, вообще возможенъ, фактически существуетъ и не отдѣльно отъ всѣхъ обыкновенныхъ людей, на какой-то никому недосягаемой высотѣ добродѣтели, а вблизи, среди нихъ, на ихъ собственномъ жизненномъ уровнѣ. Они видѣли, что этотъ человѣкъ ничѣмъ внѣшнимъ отъ обыденныхъ людей не отличается, живетъ, какъ всѣ общею со всѣми жизнью.

Въ жизнь отряда, съ которымъ Анна ѣхала на Дальній Востокъ, она первая вошла безъ усилія, даже безъ намѣренья и всецѣло отдалась этой жизни и всѣмъ ея мелочамъ. Къ тому, что для Анны не существовало ни пространства ни преградъ, можно еще добавить, что малое и великое для нея не существовало вообще. Всякое данное интересовало ее независимо отъ своего отношенія къ остальному міру, захватывало и увлекало ее такъ сильно, что все остальное какъ бы переставало для нея существовать. Вслѣдъ за нею начинали увлекаться и другіе, и потому ея личное участіе вносило во всѣ мелочи житейскаго обихода и для окружавшихъ ее какой то новый интересъ. Постепенно всѣ въ отрядѣ втягивались въ свою новую жизнь, привыкали къ ней и начинали менѣе тяготиться ея подробностями и неудобствами. И если въ концѣ концовъ былъ достигнутъ тотъ товарищескій духъ, къ которому разумомъ своимъ стремились всѣ, котораго всѣ искали и который первая нашла Анна, то этимъ отрядъ былъ главнымъ образомъ обязанъ ей.

Быть можетъ, нѣкоторыя изъ сестеръ и остались чужими другъ для друга до конца ихъ совмѣстной жизни, и за двѣнадцать лѣтъ, съ тѣхъ поръ прошедшихъ, успѣли другъ друга позабыть, но образъ Анны памятенъ всѣмъ, и не для кого она вполнѣ чужой не осталась.

Сестра А. Ф. Мейендорфъ въ пути на Дальній Востокъ. Уралъ апрѣль 1904.

Въ отрядѣ, какъ и вездѣ, Анну полюбили, съ нею веселились, безъ нея скучали и предавались грустнымъ мыслямъ, вызваннымъ войною.

Грустить и даже плакать случалось и Аннѣ. Какъ всѣмъ, такъ и ей было грустно разставаться съ родными и думать о томъ, что быть можетъ, она не вернется. А мысль эта еще тогда часто приходила ей въ голову и не разъ высказывалась ею въ полусерьезномъ, полушутливомъ тонѣ. Когда она рѣшительно заявляла. «Я не знаю, какъ вы, а я ѣду на войну умирать», ей отвѣчали шутками, а сердце сжималось, потому что въ ея голосѣ звучало какое то безапеляціонное убѣжденье.

Анна писала въ своемъ дневникѣ:

«16-го апрѣля, въ день рожденья К., она обстригла мнѣ волосы, и мнѣ легче стало жить. Въ Иркутскѣ я ихъ обстригу еще короче. Перевалъ черезъ Уралъ удивительно красивъ, и М. очень вѣрно опредѣлилъ, что, идя на войну, можетъ быть на смерть, какъ-то больше чувствуешь красоту природы и больше понимаешь «Майю», такъ Тютчевъ въ

одномъ изъ своихъ стихотвореній назвалъ все видимое нами». И дальше въ тотъ же день «Мы остановились на станціи Исилькуль, и тамъ батюшка служилъ напутственный молебенъ. Было очень трогательно и какъ-то симпатично, и церковь очень хорошая. Это, кажется, единственный разъ, кромѣ того воскресенья, когда я ходила въ нашу красную церковь со всѣми нашими передъ отъѣздомъ, что я хорошо и искренно молилась. Погода все время стоитъ теплая, чудная, и я ужасно довольна, что поѣхала. Теперь какъ разъ чудныя лунныя ночи, такъ что и по вечерамъ красиво. Когда начинаетъ темнѣть, все дѣлается тихо, спокойно. Вечера и заходы чудные. Такъ хорошо, и все такъ красиво, что можно, кажется, умереть, не видавъ океана». Уѣзжая изъ Одессы, Анна на вопросъ зачѣмъ она ѣдетъ на войну, шутя отвѣтила: «Главнымъ образомъ для того, чтобы увидать океанъ».

„Послѣ Красноярска", писала она 22-го апрѣля, „П. И. дѣлалъ мой портретъ. Онъ пошлетъ его, когда окончитъ, въ Петербургъ на случай, что я не вернусь, чтобы что-нибудь осталось». Трудно предположить, чтобы самъ художникъ предложилъ Аннѣ послать портретъ ея роднымъ, «чтобы что-нибудь осталось».

Въ концѣ той тетради, въ которую Анна записала свой дневникъ, находится стихотворенье, записанное по ея просьбѣ одною изъ сестеръ, сочинившей его подъ впечатлѣньемъ одного своего съ Анною разговора:

АННѢ

„Крестъ воспріявъ, какъ символъ вѣры,
Надежды свѣтлой и любви,
Я вѣрю,—милостью безъ мѣры
Онъ укрѣпитъ мои шаги.
Отъ всѣхъ напрасныхъ сожалѣній,
Идя за нимъ, уйду я прочь.
Мой путь надежда, и сомнѣнья
Мои разсѣятся, какъ ночь.
Все то, что жизнь мнѣ подарила....
И отняла, хочу забыть,
Отдавъ и жизнь свою и силу,
Чтобы любви его служить,
Какъ ратникъ воинства Христова,
На полѣ брани умереть,
Чтобы божественнаго слова
Благую истину прозрѣть.

5-го мая 1904 г."

Воинскій поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ на войну въ числѣ другихъ и Аннинъ отрядъ, двигался очень медленно, и въ вагонѣ пришлось прожить почти мѣсяцъ. Не мало за это время случалось въ отрядѣ происшествій, и грустныхъ и смѣшныхъ и интересныхъ, но наиболѣе характерными для самой Анны были три маленькихъ эпизода.

Какъ-то одна изъ сестеръ вышла на площадку вагона. У открытаго окна стояли Анна и сестра У., и обѣ горько плакали. На вопросъ вошедшей: «Чѣмъ это вы тутъ занимаетесь»? Анна, не задумываясь, отвѣтила: «Я утѣшаю Тоню». И, замѣтивъ вызванное ея словами недоумѣнье, неожиданно разсмѣялась. Вслѣдъ за нею разсмѣялись и Тоня и вошедшая. Въ дѣйствительности же въ этомъ отвѣтѣ ничего смѣшного не было. Анну спросили, что она дѣлаетъ, она отвѣтила вполнѣ точно. Она утѣшала Тоню такъ, какъ умѣла утѣшать одна Анна: плакала вмѣстѣ съ нею надъ ея горемъ, ставшимъ въ

ту минуту ея собственнымъ. И утѣшила. Не только утѣшила, но и насмѣшила. Если бы Тоня не была уже на половину утѣшена, она бы не замѣтила комизма Аннинаго отвѣта.

Старшая сестра отряда строго слѣдила за дисциплиною и соблюденьемъ всѣхъ общинскихъ правилъ и любила «подтягивать» своихъ сестеръ. Въ первый же день своей сестринской жизни Анна, разбирая на койкѣ свои вещи, вынимала изъ чемодана разные предметы и пакеты. Указавъ на одинъ изъ нихъ случайно подошедшей къ ней старшей сестрѣ, она сказала: «А это мои папиросы». Анна не знала тогда, что куренье запрещается сестрамъ милосердія и что курить при начальствѣ или даже говорить о томъ, что куришь, считается тяжкимъ нарушеньемъ дисциплины. Свои папиросы она показала не потому, что не хотѣла ихъ скрывать, а просто по присущей ей общительности, привычкѣ и потребности всѣмъ, къ ней самой относящимся, дѣлиться со всѣми. Такимъ смѣлымъ, никакимъ съ ея стороны вопросомъ не вызваннымъ заявленьемъ старшая сестра была озадачена и недоумѣвала, какъ его понять, а главное, принять: какъ образецъ необычайной честности, какъ наивную откровенность или какъ вызовъ, недопустимо дерзкій. Будучи очень умной и тактичной особою, она предпочла не торопиться рѣшеньемъ этого мудренаго вопроса, и на Аннину выходку отвѣтила молчаньемъ, притворившись, что на сказанное не обратила вниманья. Позднѣе она потребовала отъ Анны объясненій и, понявъ наконецъ въ чемъ дѣло, заявила, что папиросы она вправѣ отобрать, но согласна ихъ оставить, лишь бы Анна не курила при постороннихъ. Такъ Анна нечаянно, безъ борьбы, безъ малѣйшаго усилія и даже безъ просьбы получила отъ своего строгаго начальства разрѣшенье курить.

Дисциплина была для Анны не только мало понятна, но и мало доступна, и потому между ею и начальствомъ иногда происходили стычки. Обыкновенно начальство рѣшало «не поднимать исторіи», и все кончалось миромъ, но однажды терпѣнье начальства лопнуло, и произошелъ настоящій «инцидентъ». Самъ по себѣ этотъ инцидентъ совсѣмъ не былъ интересенъ, но его бурное и комическое окончанье внесло большое оживленье въ однообразную жизнь отряда. Начальство рѣшило разъ навсегда подтянуть «бунтовщицу» и сдѣлало ей формальный и строгій выговоръ. Анна не обидѣлась и не разсердилась, но когда старшая сестра заявила, что вѣчныя отговорки незнаньемъ общинскихъ правилъ ей надоѣли, и что она не вѣритъ въ ту наивность, которою Анна «старается прикрывать свои выходки», Анна была такъ удивлена, что сначала не нашла никакихъ возраженій, а потомъ пришла въ негодованье. «Нѣтъ, это невозможно. Она мнѣ не вѣритъ», говорила возмущенная до глубины души Анна. «Я такъ не могу. Я должна ей объяснить. Я пойду къ ней и не выпущу ее до тѣхъ поръ, пока она мнѣ не повѣритъ». Анна пошла, объясняла, и въ продолженіи двухъ часовъ фактически не выпускала ее изъ купэ. Между Анною и начальствомъ происходило не объясненье, а настоящая борьба, исхода которой весь отрядъ дожидался съ напряженнымъ интересомъ. Побѣда осталась на сторонѣ „бунтовщицы“, а повѣрившее ей наконецъ начальство вышло изъ своего купэ, вытирая капли пота, выступавшія на ея раскраснѣвшемся лицѣ.

Анна такъ горячо любила правду, что не могла довольствоваться тѣмъ, что сама всегда ее ясно видѣла, но желала также показать ее и другимъ. Въ этотъ день старшая сестра несомнѣнно увидала правду воочію, но далось ей это не легко.

Такъ начался новый періодъ Аннинаго служенья ближнему.

Когда въ то время Анну спрашивали, почему она пошла на войну, она отвѣчала: «Да просто потому, что мнѣ этого хотѣлось». Такой отвѣтъ могъ казаться не только безсодержательнымъ, но и необдуманнымъ, и потому часто вызывалъ дальнѣйшіе вопросы и допытыванья относительно того «призванья», наличностью котораго обусловливается

идеалъ сестры милосердія. На такіе вызывающіе на откровенность разпросы Анна неизмѣнно отвѣчала, что въ себѣ она никогда ни такихъ чувствъ ни такихъ мыслей не замѣчала.

Вопросъ о томъ, что побудило Анну пойти тогда на войну, очень важенъ, потому что принятое ею въ то время рѣшенье наложило навсегда глубокій и неизгладимый отпечатокъ не только на ея духовный обликъ, но и на всю ея дальнѣйшую жизнь, до конца ея включительно. Потому что болѣе, важнаго для нея самой рѣшенья Анна никогда не принимала. Единственный ясный, правдивый и вполнѣ точный отвѣтъ умѣла дать только она сама. Анна пошла на войну исключительно потому, что ей этого хотѣлось. Многимъ казалось, что Анна не понимаетъ, на что она идетъ. Но не могла же она не знать и не понимать, что на избранномъ ею пути ее ожидали тѣ ужасы войны, которые не могутъ не рисоваться въ какой нибудь формѣ передъ воображеньемъ всякого мыслящаго человѣка, хотя бы онъ самъ этихъ ужасовъ никогда и не видалъ. Не могла она не понимать что путь этотъ тернистъ, и мы знаемъ, что говоря: «Я иду на войну умирать», Анна не только сознавала возможную личную опасность, но какъ бы предвидѣла ее. Разсуждая съ нею объ этомъ основномъ для пониманья Анны—сестры милосердія вопросѣ, многіе удивлялись ей и, не добившись отъ нея, какъ имъ казалось, никакого осмысленнаго отвѣта, были готовы думать, что она поѣхала на войну по какой-то своей случайной фантазіи. Они не понимали того, что Анна имъ ясно говорила: а именно, что пошла она по своей сердечной потребности. То, чего ей такъ хотѣлось, Анна исполнила и не исполнить не могла, потому что оно совпадало съ самымъ сильнымъ, глубокимъ и сокровеннымъ стремленьемъ ея души—стремленьемъ къ подвигу, ею самою еще не сознанному, не понятому и не совершенному.

Когда же начался Аннинъ подвигъ? Въ тотъ день и часъ, когда она впервые, войдя въ порученную ей госпитальную палату, оказалась лицомъ къ лицу съ тою полнотою человѣческаго страданья, которую во всемъ ея объемѣ, силѣ и наготѣ можно встрѣтить только на войнѣ. Съ первымъ транспортомъ раненыхъ внезапно, неожиданно и грубо открывается эта по истинѣ ужасающая картина, отъ созерцанья которой не можетъ не содрогнуться душа человѣческая.

Какъ восприняла Анна это новое, почти невыносимое по своей силѣ впечатлѣнье? Ея духовный взоръ тотчасъ же остановился на возможности ея личнаго немедленнаго участья. Чудовищное зрѣлище истерзаннаго, окровавленнаго человѣческаго мяса, искаженныхъ невыносимымъ страданьемъ лицъ не отталкивало Анну, а наоборотъ, притягивало ее. Въ стонахъ раненыхъ она слышала призывъ, на который откликалось все ея существо. Въ этотъ часъ рѣшалась вся ея дальнѣйшая внутренняя судьба. Яркимъ свѣтомъ озарился тайникъ ея души, изъ глубины его однимъ порывомъ вырвалась во всей своей силѣ и красотѣ та любовь, о которой Апостолъ Павелъ говоритъ, что она все переноситъ (Перв. посл. Коринф. гл. XIII 7).

Такъ начался Аннинъ подвигъ и продолжался до завершившей его ея смерти. Къ нему она подошла также просто, прямо и рѣшительно, какъ ко всему подходила, и отдалась ему всецѣло, ничего для своего личнаго, отдѣльнаго отъ остального міра я не сберегая.

Какъ исполняла Анна добровольно на себя взятое ею дѣло милосердія? Она дѣлала его также просто и легко, какъ и самыя мелкія изъ тѣхъ дѣлъ, которыя попадались на пути ея частной жизни, все съ тѣмъ же неизмѣннымъ интересомъ и непосредственнымъ увлеченьемъ. Неся тяжелый физическій трудъ ухода за больными и не менѣе тяжелое бремя окружавшаго ее страданья, она всегда оставалась бодра, энергична, ясна и даже весела, уставала иногда ужасно, но никогда не падала духомъ. Взявъ на себя крестъ, Анна не-

Генералъ По (*въ сѣрой шинели*) и сестра Мейендорфъ. Посѣщеніе „Портюгаля“ французскимъ генераломъ По въ Одессѣ.

сла его не только мужественно, терпѣливо и смиренно, но и радостно, не испытывая, или вѣрнѣе, не замѣчая его тяжести. А вмѣстѣ съ тѣмъ она страдала ярко и сильно тѣмъ страданьемъ, среди котораго она безпрерывно находилась. Анна болѣла душою болѣзнью каждаго изъ своихъ больныхъ. Въ ея состраданьи къ нимъ замѣчательно было то, что оно не было общимъ, безличнымъ для своихъ объектовъ милосердіемъ, для достиженья котораго сестрѣ милосердія достаточно добросовѣстно исполнять свои обязанности. Анна, жалѣя всѣхъ, умѣла пожалѣть каждаго отдѣльно, именно въ томъ, что въ данную минуту вызывало въ его изстрадавшейся душѣ потребность чужой жалости. У Анны никогда не было палаты номеръ такой-то, наполненной ранеными. У нея бывало десять, пятьдесятъ, сто страдающихъ, нуждающихся въ ея помощи людей, изъ которыхъ каждый для нея имѣлъ свой отдѣльный обликъ. Для нея больные отличались другъ отъ друга не только разностью своихъ болѣзней и степенью физическихъ страданій и безпомощности, но главнымъ образомъ разновидностью своихъ нравственныхъ индивидуальностей. Она знала не только чѣмъ страдаетъ каждый изъ нихъ, но и какъ онъ страдаетъ. Ея милосердіе, въ самомъ широкомъ и глубокомъ своемъ объемѣ, простиралось на всѣхъ, но каждый сверхъ того получалъ отъ нея то, что ему лично было потребно, чѣмъ больше всего могло облегчиться его страданье. Анна любила всѣхъ своихъ больныхъ, какъ самою себя и больше, и потому для всѣхъ была сестрою въ истинномъ смыслѣ этого слова, но сверхъ того для каждаго изъ нихъ она была его личнымъ другомъ.

Больные любили Анну какою то особенною и также личною любовью. Каждый изъ нихъ видѣлъ въ ней не только «сестрицу», но и свою сестру родную. Этимъ своимъ умѣньемъ сродниться съ чистою, простою, почти дѣтскою, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени чуткою душою смиреннаго страдальца—русскаго солдата, Анна достигала высшаго, духовнаго назначенья сестры милосердія. Въ душѣ этого страдальца особенно живо обрисовывается чувство той безпредѣльной, почти преувеличенной благодарности, для выраженья которой ему служитъ единственное, несложное и наивное слово «сестрица». Но Аннины больные чувствовали не только восходящую отъ нихъ къ сестрѣ и должную ей благодарность, они чувствовали съ нею духовное равенство.

Каковы же были внѣшнія отношенья между больными и сестрою? Въ этихъ отношеньяхъ прежде всего поражало полное отсутствіе дисциплины, и тотчасъ же становилось ясно, что отсутствуетъ дисциплина, потому, что она совершенно не нужна. Когда Аннѣ приходилось чѣмъ либо распорядиться, ее слушали безпрекословно и всегда исполняли то, что она требовала, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда исполнить не было охоты. Анну слушались всегда, потому что никогда не хотѣлось «идти противъ сестрицы» Анна не требовала дисциплины, потому что ее слушали и безъ того. Нѣтъ смысла вышибать дверь, которую можно попросту открыть.

Въ Аннином палатѣ чаще всего царило веселье. Да, веселье, не тотъ «смѣхъ сквозь слезы», которымъ изстрадавшійся человѣкъ старается заглушить въ себѣ невыносимую муку и скрыть ее отъ другихъ, а настоящее, непосредственное, почти дѣтское веселье: радость жизни въ домѣ страданья и смерти. Чѣмъ вызывалось это почти невѣроятное явленье? Преимущественно Аннинымъ присутствіемъ, Когда Анна по утрамъ входила въ палату, она любила, обращаться къ своимъ больнымъ съ военнымъ привѣтствіемъ: «Здорово ребята». А больные тотчасъ же дружно гаркали въ отвѣтъ: «Здравье желаемъ, ваше милосердіе». Послѣ этой безхитростной и почти ежедневно повторявшейся шутки всѣ какъ-то подбодрялись. Изстрадавшемуся за ночь отъ невыносимой боли раненому, которому уже казалось, что терпѣнье его окончательно истощается, начинало казаться, что боль его какъ будто немного утихаетъ. И всѣ приходили въ болѣе радостное настроенье. Неужели эта ребяческая игра, въ которой Анна изображала военное начальство, а раненые—строевую команду, могла имѣть такое волшебное дѣйствіе? Дѣло, ко-

нечно, не въ игрѣ, а лишь въ томъ, что въ сѣрой, пасмурной, и угрюмой обстановкѣ больничной палаты Анна такъ же, какъ и вездѣ, являлась яркимъ, внезапно все освѣщающимъ и оживляющимъ солнечнымъ лучомъ.

Въ Аннином палатѣ процвѣтали и другіе игры: дурачокъ, фофанъ, шашки, мельница и тому подобное, и всѣми этими играми увлекались одинаково и больныя и сестра. Анна играла не въ угоду солдатамъ, она не жертвовала для ихъ развлеченья тѣми немногими часами, которыми она могла бы воспользоваться для своего отдыха, она играла просто потому, что сама любила всякія игры забавлялась ими и увлекалась наравнѣ съ солдатами. Больные играли и между собой, безъ ея личнаго участья, но всѣ наперерывъ добивались возможности сыграть хоть разъ съ сестрицею. Однажды, войдя въ Аннину палату, одна изъ сестеръ лазарета застала Анну, стоящей посреди этой палаты и старательно выдѣлывающей чьимъ то костылемъ всѣ ружейные пріемы, а кругомъ толпились раненые, командывали и поощряли свою ученицу одобрительными возгласами.....

«Если не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное». Не относится ли это и къ Аннѣ?

Въ Аннином палатѣ, вѣроятно въ своемъ родѣ единственной, много бывало любопытнаго. Тамъ можно было наслушаться интересныхъ разговоровъ, сказокъ, разсказовъ изъ жизни своей или чужой, забавныхъ анекдотовъ. Анна любила и умѣла разсказывать анекдоты, которыхъ у нея всегда находился неисчерпаемый запасъ. Тамъ часто можно было застать тѣсный кружокъ внимательныхъ слушателей, а посреди нихъ воодушевленнаго повѣствователя. Анна почти всегда находилась въ такой группѣ, то въ качествѣ разказчицы, то среди слушателей. Казалось бы, что между Анною и солдатами, между людьми, стоящими на совершенно разныхъ ступеняхъ общественнаго положенья, воспитанья и умственнаго развитія, мало могло быть общаго, и не такъ то легко было находиться темамъ для ежедневныхъ длительныхъ бесѣдъ. О чемъ могла Анна такъ много говорить со своими больными, и что могли они съ нею другъ другу разсказывать? Все что имъ самимъ казалось интереснымъ. Въ этихъ бесѣдахъ Анна знакомилась съ личностью каждаго изъ нихъ и съ его жизнью. Узнать о больномъ все, до имени и возраста его младшаго ребенка включительно, Анна часто успѣвала уже въ день его поступленья въ ея палату. Достигала она этого не посредствомъ праздныхъ разспросовъ, вызванныхъ зачастую чрезмѣрнымъ любопытствомъ либо незнаньемъ о чемъ говорить съ даннымъ собесѣдникомъ. Ей это удавалось безъ всякаго съ ея стороны старанья, лишь въ силу потребности другихъ ей все о себѣ разсказать.

Съ Анною можно было говорить обо всемъ и даже о такихъ вещахъ, о которыхъ говорить съ другими людьми никогда не приходило въ голову. Съ другой стороны сама Анна могла все говорить другимъ людямъ и касаться такихъ личныхъ ихъ вопросовъ, которыхъ ея собесѣдники иногда сами не рѣшались затронуть. И люди получали отъ нея возможность высказаться о томъ, что, быть можетъ, давно томило и угнетало ихъ душу. Молчанье—преграда, человѣка отъ человѣка отдѣляющая, и черезъ нее, какъ и черезъ всѣ остальныя, Анна переступала съ ей одной присущею легкостью.

Но не всегда, конечно, веселились въ Аннином палатѣ. Въ ней также болѣли, страдали и умирали. Какъ относилась Анна къ чужому страданью? Вопросъ этотъ безотвѣтенъ, потому что чужого, то есть ей чуждаго страданья Анна никогда не видала. Отвѣтомъ можетъ послужить одинъ любопытный и особенно яркій примѣръ изъ ея сестринской практики.

Въ Гунжулинѣ, въ лазаретѣ Императрицы Маріи Федоровны, въ которомъ Анна послѣ Ляоянскаго боя проработала около мѣсяца, лежалъ раненый въ голову офицеръ съ параличемъ всѣхъ конечностей и потерею способности говорить. Въ лазаретъ онъ

былъ доставленъ послѣ боя въ совершенно безсознательномъ состояніи и безъ какого-либо документа, и никто не зналъ даже его имени. Лазаретомъ завѣдывалъ знаменитый хирургъ. Осмотрѣвъ больного, профессоръ не согласился съ мнѣньемъ остальныхъ врачей, что положенье раненаго безнадежно, и тотчасъ же приступилъ къ операціи, которая по его убѣжденью могла впослѣдствіи привести больного къ выздоровленью и полному возстановленью всѣхъ его способностей. Послѣ операціи больной вернулся къ сознанью, рана его стала заживать, руки немного шевелились, но, понимая все, онъ все еще не могъ говорить. Анна завѣдывала операціонной, у нея не было своей палаты, и потому къ больнымъ она никакого служебнаго отношенья не имѣла. Профессоръ любилъ демонстрировать своихъ пацiентовъ, Анна же интересовалась хирургіей и всегда старалась пополнить свои познанья,—разспрашивала врачей, читала научныя книги. Профессоръ показалъ ей больного, и объясняя его болѣзнь, между прочимъ, сказалъ, что къ больному со временемъ можетъ вернуться способность говорить. Случай былъ необыденный, и больнымъ, котораго, за невозможностью узнать его имя, прозвали «Нѣмымъ», всѣ въ лазаретѣ интересовались. «Нѣмой» изъ всѣхъ больныхъ былъ самый жалкій, потому что онъ страдалъ безпрестанно не только физически, но и нравственно. На него почти ежедневно находили такіе сильные припадки отчаянья, что онъ часами громко рыдалъ, издавая при этомъ какіе-то странные нечеловѣческіе звуки. Въ его плачѣ слышался стонъ измученнаго звѣря, связаннаго и рвущагося на свободу. Всѣ старались какъ-нибудь утѣшить «Нѣмого» и увѣряли его, что онъ выздоровѣетъ и заговоритъ. Но онъ нетерпѣливо качалъ головой и продолжалъ рыдать, видимо не вѣря этимъ утѣшеньямъ, думая, что его изъ жалости хотятъ обмануть. И въ этомъ онъ былъ правъ. Въ то что «Нѣмой» заговоритъ, не вѣрилъ никто, кромѣ профессора... и Анны. А «Нѣмой» упорствовалъ и не вѣрилъ и имъ.

Ухаживать за „Нѣмымъ“ было очень тяжело и трудно. Постоянное душевное страданье не могло не отражаться на его и безъ того ослабѣвшемъ организмѣ, не издергать его нервной системы. «Нѣмой» былъ не только интереснымъ, но и чрезвычайно безпокоiнымъ больнымъ. Онъ былъ раздражителенъ и нетерпѣливъ, постоянно волновался, призывалъ знаками сестеръ и санитаровъ, то гнѣвно требовалъ, то слезно просилъ, но чего онъ требовалъ и о чемъ онъ просилъ, въ большинствѣ случасвъ, никто не могъ понять. Это, конечно, раздражало его еще больше и вызывало новые приступы отчаянья. Всѣ его жалѣли, и всѣ старались его понимать, придумывали разныя приспособленья, при помощи которыхъ онъ могъ бы объясняться, но ничто не помогало, и въ концѣ концовъ у всѣхъ опускались руки.

Однажды, проходя по корридору мимо двери его палаты, изъ которой раздавался обычный отчаянный плачъ, Анна вошла къ нему. Рыданья перешли въ то жалобное мычанье, которымъ онъ старался выражать свои желанья. По счастливой случайности Аннѣ въ этотъ разъ удалось угадать, чего онъ хотѣлъ, и онъ тотчасъ же успокоился. Съ тѣхъ поръ Анна стала заходить къ «Нѣмому» все чаще и чаще говорила съ нимъ, всѣми силами старалась его увѣрить, что онъ выздоровѣетъ и заговоритъ, и все чаще и чаще ей удавалось его понимать Онъ согласился пользоваться тѣмъ для него сдѣланнымъ алфавитомъ, отъ употребленья котораго онъ раньше упорно отказывался. Такимъ образомъ между ними начались, хотя очень краткіе и несложные, но все же настоящіе разговоры. Между Анною и „Нѣмымъ“ завязались своеобразныя и неравныя дружескія отношенья, въ которыхъ повелительную роль бралъ на себя «Нѣмой», а на долю Анны выпадала роль исполнительная. При помощи азбуки удалось наконецъ узнать его имя и кой какія подробности изъ его жизни, и между прочимъ имя и мѣстожительство его жены. «Нѣмой» былъ капризенъ, какъ ребенокъ и очень изобрѣтателенъ въ своихъ желаньяхъ и, увѣрившись, въ томъ, что наконецъ нашелся человѣкъ, его понимающій, иногда требо-

валъ почти невозможнаго. Какъ-то разъ онъ попросилъ Анну написать письмо его женѣ, причемъ письмо должно было быть написаннымъ не отъ Анны, а какъ бы отъ него самого. Диктовать при помощи алфавита онъ не хотѣлъ. Аннѣ казалось, что исполнить такую сложную задачу она не съумѣетъ, но чтобы не раздражать „Нѣмого", она рѣшилась попробовать и покорно принялась за дѣло. Долго мучилась она, и не мало бумаги пришлось ей исписать и изорвать, но въ концѣ концовъ получилось письмо, которое „Нѣмой" удостоилъ своего одобренья.

У Анны были другія обязанности въ лазаретѣ, и потому она не могла удѣлять много времени «Нѣмому». Случилось такъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней она ни разу не успѣла его посѣтить. Когда послѣ этого Анна подошла къ нему въ первый разъ, она замѣтила на его лицѣ какое-то необычайное волненье. Это обыкновенно мертвенно блѣдное лицо покрылось внезапнымъ багровымъ румянцемъ, губы судорожно зашевелились, глаза уперлись въ ея глаза. Анна была поражена и испугана его видомъ и въ особенности тѣмъ крайнимъ напряженьемъ, которое выражалось во всѣхъ его чертахъ. Казалось, что это безпомощное и жалкое существо безумно расточаетъ свои послѣднія силы въ какой-то сверхестественной и безплодной борьбѣ. И вдругъ «Нѣмой» отчетливо произнесъ: «Ан-н-на».... и разрыдался.

Такъ разсказывала Анна. Какъ реагировала на это неожиданное происшествіе она сама, осталось неизвѣстнымъ, потому что эта сцена между ею и внезапно переставшимъ быть нѣмымъ свидѣтелей не имѣла. Больной пользовался отдѣльною палатой.

Вѣсть о томъ, что «Нѣмой» заговорилъ, быстро разнеслась по лазарету. Въ лицѣ профессора торжествовала наука, всѣ радовались и удивлялись, Анна повторяла: «Я знала, что онъ заговоритъ, а онъ мнѣ не вѣрилъ. Ну вотъ, теперь ему пришлось повѣрить». Когда одна изъ сестеръ спросила Анну: «Какъ ты думаешь, почему «Нѣмой» заговоривъ, произнесъ не какое-либо другое слово, а твое имя?», она отвѣтила: «Почемъ я знаю?», и, подумавъ, добавила: «Вѣроятно оттого, что это короткое и легкое слово». Видимо это объясненіе, почти такое же безхитростное и простое, какъ слово «Ан-на», вполнѣ удовлетворило любопытную сестру, потому что на немъ ихъ разговоръ прекратился и больше никогда не возобновлялся.

Герой дня тѣмъ временемъ продолжалъ лежать на своей койкѣ съ какою то жалкою, безпомощною, еле замѣтною улыбкою на изможженномъ лицѣ и отъ времени до времени осторожно, тихо, но отчетливо повторялъ свое единственное слово: «Ан-н-на». Ничего другого онъ выговорить не могъ, и лишь черезъ нѣсколько дней его запасъ словъ сталъ постепенно и довольно быстро увеличиваться. Впослѣдствіи Анна узнала, что бывшій нѣмой вышелъ изъ лазарета совершенно здоровымъ.

Въ концѣ Ляоянскаго боя прибылъ изъ Россіи на театръ военныхъ дѣйствій первый армейскій корпусъ, которымъ тогда командовалъ братъ Аннинаго отца. По его желанію Анна перешла изъ лазарета Императрицы Маріи Федоровны въ одинъ изъ подвижныхъ госпиталей его корпуса.

Каждый военный подвижной госпиталь обслуживалъ свою часть—четыре полка,—и потому всюду долженъ былъ за нею слѣдовать, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. Съ 34-мъ подвижнымъ госпиталемъ Анна сдѣлала весь дальнѣйшій походъ и оставалась въ немъ до послѣдняго дня его работы, прекратившейся лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія военныхъ дѣйствій.

Госпиталь развертывался вблизи занимаемыхъ его частью позицій, часто долженъ былъ передвигаться походнымъ порядкомъ и работалъ во время большихъ боевъ при рѣкѣ Шахэ и подъ Мукденомъ. Во время Ляоянскаго боя Анна работала съ однимъ изъ передовыхъ отрядовъ Краснаго Креста.

Весною, лѣтомъ и до глубокой осени въ госпиталѣ больные помѣщались въ шатрахъ, а медицинскій персоналъ въ палаткахъ, которыя нерѣдко заливались дождемъ, а иногда заносились и снѣгомъ. Зимою устраивались, какъ могли, въ китайскихъ деревушкахъ. Лучшія помѣщенія отводились подъ больныхъ, а персоналъ ютился, какъ попало, часто въ нетопленныхъ сараяхъ и амбарахъ. Спать приходилось на морозѣ, который въ той мѣстности нерѣдко доходилъ до 10—15 градусовъ. Вода замерзала въ кувшинахъ, а оставшійся съ вечера хлѣбъ покрывался ледяными кристаллами, и его невозможно было рѣзать.

Сестра А. Ф. Мейендорфъ (у забора)
со своимъ двоюроднымъ братомъ гр. Д. А. Олсуфьевымъ
у китайской „фанзы", въ которой помѣщались сестры 34
полевого подвижного госпиталя. Манжурія 1904 г.

Въ походной жизни Анна всегда проявляла необыкновенную выносливость, а когда госпиталю приходилось работать въ сферѣ артиллерійскаго огня, она продолжала дѣлать свое дѣло также энергично и бодро, какъ и всегда, не обращая никакого вниманія на грохотъ орудій и свистъ снарядовъ. За напряженною боевою работою, продолжавшеюся безпрерывно и днемъ и ночью по нѣсколько сутокъ, слѣдовали не менѣе утомительные походы, во время которыхъ сестрамъ приходилось дѣлать по 20—30 верстъ за день, то пѣшкомъ, то верхомъ на лошадяхъ или мѣстныхъ осликахъ, такъ какъ на перегруженныхъ госпитальнымъ имуществомъ, постоянно вязнувшихъ въ невылазной грязи повозкахъ часто не было куда присѣсть.

Въ минуты опасности или общаго замѣшательства Анна всегда выказывала присутствіе духа, смѣлость, распорядительность и рѣшимость. Во время одного изъ частыхъ манчжурскихъ ливней, сопровождаемыхъ бурями, похожими на ураганъ, вѣтеръ едва не сорвалъ шатеръ, въ которомъ помѣщались Аннины больные.

Шатры военныхъ госпиталей очень громоздки. Въ нихъ можно размѣстить до пятидесяти человѣкъ. Внутри они похожи на длинную комнату. Сдѣланы они изъ грубаго холста. Верхняя ихъ часть, замѣняющая крышу, прикрѣплена вдоль всей своей вершины къ очень тяжелой деревянной балкѣ, лежащей на стоячихъ столбахъ. Углы также поддерживаются вколоченными въ землю столбами. Стѣны сдѣланы изъ такого же холста и внизу прикрѣплены веревками къ вбитымъ въ землю кольямъ, какъ и у обыкновенныхъ палатокъ.

Упомянутое происшествіе угрожало больнымъ очень серьезною опасностью, такъ какъ, если бы вѣтеръ сорвалъ шатеръ, могла бы обрушиться верхняя балка, и больные рисковали бы не только простудиться, оставшись подъ открытымъ небомъ во время непогоды, но и быть задавленными балкой. Когда Анна замѣтила, что одна изъ стѣнъ, подъ напоромъ вѣтра сначала надулась, какъ парусъ, а потомъ сорвалась, а на ближайшаго больного сталъ попадать дождь, она подбѣжала и ухватилась обѣими руками за оторвавшійся отъ удерживавшей его веревки холстъ. Сила вѣтра была такъ велика, что удержать холста Анна не могла. Отъ порыва бури онъ взвился кверху вмѣстѣ съ висѣвшею на немъ Анною и поднялъ ее отъ земли аршина на полтора. Анна, сообразивъ, что тяжесть ея тѣла, если не прекратитъ, то во всякомъ случаѣ замедлитъ начавшееся

разрушеніе шатра, вцѣпилась въ холстъ изо всѣхъ силъ и продолжала на немъ висѣть до тѣхъ поръ, пока къ ней на помощь не подоспѣли служители, которымъ и удалось снова укрѣпить сорвавшуюся стѣнку шатра.

Анна никогда не теряла голову и отличалась большою находчивостью. Во время знаменитаго мукденскаго отступленія, передъ однимъ изъ мостовъ произошло замѣшательство. Обозы, транспорты и пушки столпились въ одну общую кучу и мѣшали другъ другу спускаться по узкой и крутой дорогѣ. Было необходимо установить какую-нибудь очередь, но всѣ торопились и старались перебить другъ другу дорогу. Простоявъ около часу, обозъ Аннинаго госпиталя наконецъ получилъ возможность продвинуться къ мосту. Двѣ переднія повозки прошли благополучно, а у третьей запуталась какая то часть упряжи, и произошла заминка. Этимъ рѣшилъ воспользоваться передній ѣздовой рядомъ стоявшаго артиллерійскаго орудія. Онъ ударилъ по своимъ лошадямъ, и пушка рванулась впередъ, угрожая перерѣзать путь вновь застрявшему госпитальному обозу. «Видя, что все опять пропало», разсказывала объ этомъ Анна, «я крикнула: стой! но ѣздовой на мой окрикъ не обратилъ никакого вниманія. Тогда я выскочила впередъ на своемъ Хунхузѣ», такъ звали ея китайскую лошаденку—«подняла нагайку и закричала на него: «какой же ты солдатъ, если ты не умѣешь слушаться»? Онъ сейчасъ же остановилъ своихъ лошадей, и мы проѣхали».

Да, Анна умѣла приказывать и добиваться послушанья не только отъ своихъ больныхъ, но и отъ посторонніхъ, но и ей случалось нарываться на протестъ.

Въ военныхъ подвижныхъ госпиталяхъ сестрамъ полагается денщикъ. Въ началѣ Аннинаго похода съ 34-мъ госпиталемъ на эту должность былъ назначенъ одинъ эстонецъ, до тѣхъ поръ бывшій конюхомъ при лошадяхъ госпитальнаго обоза. Бывшему фермеру, интеллигенту, показалось унизительнымъ оказывать личныя услуги и быть на побѣгушкахъ у «какихъ то сестеръ», являвшихся по его мнѣнію лишь пришлымъ въ военной обстановкѣ элементомъ. Но нижній чинъ не имѣетъ права разсуждать, и ему пришлось приступить къ исполненію ненавистныхъ ему обязанностей. Служа сестрамъ, онъ всегда дѣлалъ это, не скрывая своей неохоты, а иногда и намѣренно небрежно. Однажды Анна сдѣлала ему замѣчаніе по поводу плохо вычищенныхъ башмаковъ. Это вполнѣ невинное по тону и по существу справедливое замѣчаніе оказалось послѣднею каплею, переполнившей чашу его уязвленнаго самолюбія, и денщикъ неожиданно разразился цѣлымъ потокомъ дерзостей, вслѣдствіе чего онъ и былъ отъ своей должности отставленъ. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ и случайно попалъ въ Аннину палату, гдѣ ему пришлось пролежать около двухъ недѣль. Въ концѣ своей болѣзни онъ подозвалъ Анну къ своей койкѣ и началъ извиняться за свою прошлую дерзость. Онъ объяснялъ, что ея уходъ за нимъ и за остальными больными заставилъ его понять, что такое сестра милосердія, и что теперь ему стыдно вспомнить о своемъ нежеланіи ей служить. Онъ умолялъ ее со слезами его простить. Онъ просилъ ее, въ доказательство своего прощенія похлопотать, чтобы его вновь назначили денщикомъ и, выздоровѣвъ, самъ просилъ объ этомъ госпитальнаго смотрителя. Въ этой просьбѣ ему было отказано, такъ какъ не было причинъ смѣщать его замѣстителя. Тогда, снова ссылаясь на вынесенныя имъ изъ Анниной палаты впечатлѣнія, онъ сталъ просить, чтобы его назначили къ ней палатнымъ служителемъ. У Анны былъ полный комплектъ служителей, и потому его могли назначить лишь на мѣсто заболѣвшаго служителя другой палаты. Тамъ онъ проработалъ не только добросовѣстно, но и самоотверженно до окончанія войны.

Когда закончились военныя дѣйствія и начались мирные переговоры, 34-й госпиталь уже болѣе не передвигался и простоялъ съ начала лѣта до глубокой осени верстахъ въ десяти отъ китайскаго мѣстечка Херсу. Раненыхъ въ госпиталь больше не поступало,

Е. И. В. Великая Княгиня Милица Николаевна и старшая сестра бар. А. Ф. Мейендорфъ на мостикѣ „Портюгаля“ во время примѣрной погрузки раненыхъ. Батумъ, 21 февраля 1916 года.

и онъ наполнился почти исключительно тифозными. Больные оставались въ госпиталѣ по нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ, такъ какъ миновала надобность ихъ спѣшной эвакуаціи въ болѣе отдаленные тыловые лазареты.

Въ Аннином шатрѣ помѣщались наиболѣе тяжелые изъ больныхъ, и многіе изъ нихъ умирали.

Какъ относилась Анна къ ихъ смерти? Мысль о томъ, что ея больной долженъ неизбѣжно умереть. что отъ этой, на ея глазахъ приближавшейся къ нему смерти его спасти невозможно, вызывала въ Аннѣ какой то внутренній протестъ. Съ этою мыслью до самой послѣдней минуты его жизни она никогда не могла примириться. Она внутренно боролась съ нею, сердилась, когда ей говорили, что состояніе больного безнадежно, не вѣрила этому и до самаго конца надѣялась вопреки разсудку. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея обращеніе съ умирающими, незамѣтно для нея самой, вкрадывалась какая-то особенная нѣжная заботливость. Умирающіе почти всегда сознаютъ приближеніе смерти, говорятъ объ этомъ, стараются внутренно подготовиться, а въ народѣ принято подготовляться и внѣшне: умыться, причесаться, одѣться во все чистое. Во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ Анна всегда принимала личное и самое тщательное участіе. Всѣ предсмертныя и посмертныя распоряженія умирающаго она выслушивала, ему не противорѣча, обѣщала все исполнить,—и всегда исполняла,—призывала къ больному священника и любила присутствовать, когда больной пріобщался. Получалось какое-то непонятное противорѣчіе: Анна не вѣрила, что ея больной умретъ, и одновременно явно всѣми силами старалась помочь ему подготовиться къ смерти. Почему? Потому что возмущалъ ее не самый фактъ смерти ея больного, а лишь грядущая невозможность что либо для него сдѣлать.

Когда наступала сама смерть, Анна спокойно и все также заботливо и нѣжно закрывала покойнику глаза, складывала ему руки на груди, прикрывала его чистою простыней и распоряжалась выносомъ его тѣла изъ палаты. Его уносили въ покойницкую, которую Анна никогда не посѣщала, а она выходила изъ палаты и долго и горько плакала. На похоронахъ своихъ больныхъ, не смотря на то, что кладбище находилось лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ госпиталя, Анна почти никогда не присутствовала. Мертвые болѣе въ ней не нуждались, и она оставалась съ живыми.

Такъ работала Анна на Дальнемъ Востокѣ.

Когда 34-й подвижной госпиталь окончательно прекратилъ свою работу, Анна прикомандировалась къ санитарному поѣзду Великой Княжны Татьяны Николаевны. Этотъ поѣздъ во Владивостокѣ принялъ съ госпитальнаго судна «Монголія» первый транспортъ нашихъ возвращавшихся изъ японскаго плѣна инвалидовъ, и съ ними 31 декабря 1905 г. Анна вернулась въ Петроградъ къ своей прежней обыденной жизни.

Послѣ почти двухлѣтней тяжелой работы и пережитыхъ на войнѣ физическихъ и нравственныхъ мученій наступила возможность отдыха. Но Анна не могла наслаждаться этимъ отдыхомъ, не могла примириться съ тѣмъ, что, какъ ей тогда казалось, «все кончено», и она «больше никому не нужна». Черезъ два мѣсяца послѣ своего возвращенія съ войны она приняла должность помощницы старшей сестры Касперовской общины Краснаго Креста и проработала въ Одессѣ еще около года.

Послѣ этого въ Аннином сестринской дѣятельности наступилъ болѣе длительный перерывъ, во время котораго она лишь въ 1907 г. ѣздила на голодовку въ Николаевскій уѣздъ Самарской губерніи съ врачебно-питательнымъ отрядомъ Краснаго Креста.

* * *

Какъ отразилась на Аннѣ война? По внѣшности она мало измѣнилась и оставалась все тою же энергичной, живой и обаятельной, какою она была и раньше. Но въ ея чуткой и впечатлительной душѣ война не могла не оставить глубокаго неизгладимаго отпечатка. Переставъ быть сестрою милосердія, она могла снять крестъ со своей груди, но изъ сердца своего креста видѣнной ею и пережитой полноты человѣческаго страданія она вырвать не могла и не хотѣла. Его тяжесть послѣ войны она ощущала сильнѣе, и больнѣе, чѣмъ во время самой войны, быть можетъ, потому что тогда она этотъ крестъ могла нести активно, а потомъ онъ на ней лишь пассивно тяготѣлъ.

Когда въ іюлѣ 1914 г. такъ неожиданно разразилась европейская война, когда передъ Анною внезапно воскресъ и воплотился прошлый, уже разъ пережитый кровавый кошмаръ всѣхъ ужасовъ войны, душа ея содрогнулась. Насталъ для Анны часъ немощи человѣческой, тотъ часъ, когда изъ сердца вырывается неудержимая мольба, о томъ, чтобъ миновала чаша.

Въ ближайшіе послѣ начала военныхъ дѣйствій дни Анна была вызвана изъ Кіевской губерніи, гдѣ она въ то время находилась въ своей семьѣ, въ Петроградъ телеграммою общины Св. Георгія. Этотъ призывъ не былъ для нея обязательнымъ, принудительной мобилизаціи запасныхъ сестеръ милосердія въ Россіи не существуетъ. Къ тому же Аннино здоровье замѣтно пошатнулось послѣ японской компаніи, и потому она легко могла отказаться отъ предлагаемой ей командировки по вполнѣ уважительной причинѣ.

Но Анну чаша миновать не могла. Въ ней немощь человѣческая отталкивала эту чашу, но героическая душа ея тянулась къ ней и знала, что испить придется до дна.

Анна немедленно выѣхала въ Петроградъ. Когда ее тогда спрашивали, почему она ѣдетъ на войну, она больше не отвѣчала: «Потому что мнѣ этого хочется». Она говорила: «Потому что я должна». Такъ выражалась сама Анна, но въ дѣйствительности лежалъ ли на ней какой-либо долгъ въ обычномъ смыслѣ этого слова? Не имѣла ли она нравственнаго и законнаго права отказаться отъ этой командировки? Вѣдь не всѣ изъ бывшихъ въ Манжуріи сестеръ милосердія пошли на эту войну. Почему одна Анна «должна» была идти? Не потому ли она пошла, что пойти ей было суждено, не тѣмъ слѣпымъ фатумомъ, который механически распоряжается человѣческой жизнью, а той внутренней судьбою, давно для нея предрѣшенной, которая вела ее къ конечной цѣли ея жизни,— къ завершенію ея жизненнаго подвига.

Въ день своего пріѣзда въ Петроградъ Анна поспѣшила явиться въ общину Св. Георгія, а оттуда заѣхала къ одной изъ запасныхъ сестеръ своей общины, съ которою она сдѣлала всю японскую кампанію и съ которою она и потомъ сохранила личныя и дружескія отношенья. У нея Анна плакала и съ отчаяньемъ говорила: «Ты пойми, я не могу второй разъ это перенести. Я не хочу идти, на войну, и не могу отступиться». И ничѣмъ ее нельзя было ни успокоить, ни утѣшить. Она все повторяла: «Ты пойми, что я не могу». А на вопросъ: «Почему?» она долго молчала и наконецъ какъ то нехотя и сердито отвѣтила: «Потому что я плачу, когда я вижу *здоровыхъ* солдатъ».

Прошло нѣсколько дней. Анна успокоилась, перестала плакать, начала хлопотать о своемъ назначеніи на санитарный поѣздъ, хлопотала и за другихъ сестеръ, закупала все необходимое, и снова казалась неутомимою въ той лихорадочной суетѣ, которая охватываетъ всѣхъ въ первые дни войны, а въ особенности на войну отъѣзжающихъ. Анна сознавала, что на свою прежнюю необычайную физическую выносливость она уже разсчитывать не могла, что утомительные походы подвижныхъ госпиталей а равно и тяжелая своею безпрерывностью работа тыловыхъ лазаретовъ ей уже не подъ силу, и санитарный поѣздъ она избрала потому, что поѣздная работа легче. 102-й воен-

ный полевой санитарный поѣздъ, на который она была назначена, въ то время еще не былъ вполнѣ готовъ, и Анна приняла дѣятельное участье въ дѣлѣ его оборудованья.

Передъ своимъ отъѣздомъ Анна еще разъ заѣхала въ общину, чтобы проститься съ настоятельницей. Съ японской войны покойная настоятельница общины Св. Георгія успѣла еще болѣе состариться и, хотя она тогда была еще на ногахъ, замѣтно осунулась и ослабѣла. Тѣмъ не менѣе она очень обрадовалась появленью своей «бунтовщицы». Она разспросила Анну объ устройствѣ 102-го поѣзда и о его персоналѣ, благословила ее, обняла, поцѣловала и сказала ей: «Помоги вамъ Богъ. Я знаю, что вы, какъ всегда, будете работать съ пользою для дѣла и честью для общины».

26-го августа 1914 г. 102-ой санитарный поѣздъ отправился изъ Петрограда къ юго-западному фронту. Сначала онъ курсировалъ въ раіонѣ Кіева и бывшей австрійской границы, а въ концѣ сентября его перевели въ Галицію.

Когда Анна вторично ѣхала на войну, она снова заговаривала о своей смерти и повторяла свою прежнюю фразу, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «Я не знаю какъ вы, а я всегда ѣзжу на войну умирать». Ея слова больше не производили впечатлѣнья, и ей равнодушно отвѣчали: «Ты еще въ Манжуріи обѣщалась умереть и насъ обманула. Мы тебѣ больше не вѣримъ». При этомъ вспоминали, какъ послѣ японской войны Анна, вернувшись съ похоронъ какого то генерала, разсказывала о томъ, какъ ей понравилась торжественность военныхъ почестей и въ особенности музыка, и говорила: «Если бы я умерла на войнѣ, меня бы тоже такъ хоронили, а я такая глупая, что единственный въ жизни случай пропустила».

Персоналъ 102-го военнаго полевого санитарнаго поѣзда. Петроградъ, финляндскій вокзалъ. Августъ 1914 г. Сестра А. Ф. Мейендорфъ (средняя изъ сестеръ).

17 ноября 1914 г. 102-ой поѣздъ потерпѣлъ въ Карпатахъ крушенье, при которомъ бо́льшая часть его вагоновъ была разбита въ дребезги. Онъ шелъ за ранеными, и на немъ находились медицинскій персоналъ, команда и случайные ѣхавшіе по своимъ служебнымъ дѣламъ пассажиры, въ общемъ человѣкъ полтораста. Этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ, что никто изъ находившихся въ вагонахъ поѣзда не погибъ. Пострадавшихъ было всего восемь человѣкъ, изъ нихъ только двое получили серьезныя поврежденья, остальные отдѣлались ушибами, а убитыхъ не было ни одного. Въ исторіи желѣзнодорожныхъ катастрофъ это, вѣроятно, единственное крушенье, которое, при потери почти всего подвижного состава поѣзда, обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

Послѣ отслуженнаго поѣзднымъ персоналомъ благодарственнаго молебна по случаю почти чудеснаго избавленья отъ опасности, одна изъ сестеръ сказала Аннѣ: «Теперь, я надѣюсь, ты перестанешь говорить о томъ, что поѣхала умирать. Ты же видишь, что это вздоръ». Анна отвѣтила: «Не знаю». А сестра, раздосадованная ея нежеланьемъ согласиться съ тѣмъ, что ей самой казалось не только очевиднымъ, но и почти доказаннымъ, добавила: «Я не знаю, какъ ты, а я поѣхала не умирать, а работать. Мы съ тобою на войнѣ всегда бываемъ вмѣстѣ, почему же ты думаешь, что изъ насъ двухъ умрешь не-

премѣнно ты«? На это Анна повторила: «Не знаю почему, но знаю, что работаемъ вмѣ стѣ а умирать будемъ врозь».

Въ день ея чудеснаго спасенья отъ угрожавшей ей гибели Аннинъ часъ еще не насталъ.

102-ой поѣздъ пришлось составлять и оборудовать почти заново, и Анна уѣхала въ краткосрочный отпускъ къ роднымъ въ свою любимую Одессу. Послѣ ея возвращенья изъ отпуска поѣздъ продолжалъ обслуживать галиційскій фронтъ еще нѣкоторое время, а потомъ былъ переведенъ на сѣверъ для обмѣна инвалидовъ. Сѣверный климатъ всегда неблагопріятно отражался на Аннином здоровьѣ, и потому она рѣшила откомандироваться отъ 102-го поѣзда, вернуться на югъ и тамъ подыскать себѣ новое назначенье.

Какъ подѣйствовала на Анну эта вторая въ ея жизни война? Какъ исполняла она то, о чемъ она съ тоскою и слезами говорила, что исполнить этого не можетъ? Для Анны невозможнаго не существовало.

Во второй разъ, также, какъ и въ первый, она всецѣло отдавалась тому дѣлу; за которое она взялась, и исполняла его до самаго конца совершенно такъ же, какъ и раньше. Ея отношенье къ больнымъ ни въ чемъ не измѣнилось, и лишь убавились ея физическія силы. Изъ Анниной палаты исчезло лишь то беззаботное веселье, которое встрѣчалось въ ея манжурскихъ палатахъ. Въ ея вагонахъ солнечный лучъ продолжалъ свѣтить и согрѣвать, но уже не игралъ на встрѣчавшихся ему предметахъ. Въ Аннино палатѣ было больше страданья. Н'е оттого, что Анна потеряла способность утѣшать и ободрять своихъ больныхъ — эту способность она сохранила до конца. Страданья было больше, не потому, что раненые страдали сильнѣе, а потому что кромѣ ихъ самихъ страдала еще и сестра, въ сердцѣ которой раскрылись и болѣли всѣ старыя, плохо зажившія раны. «Когда же окончится эта война?» писала она своей сестрѣ. «Нѣтъ больше силъ терпѣть эти страданья». Анна, когда то несшая свой крестъ, почти его не замѣчая, постоянно и болѣзненно ощущала эту тяжесть.

Сестра А. Ф. Мейендорфъ за работою въ аптекѣ госпитальнаго судна „Портюгаль".

Оставивъ 102-ой поѣздъ, Анна вернулась въ Одессу къ своимъ роднымъ и послѣ непродолжительнаго отдыха вновь принялась за работу.

Въ своемъ заявленіи на имя главнаго уполномоченнаго Краснаго Креста Анна просила назначить ее на одно изъ госпитальныхъ судовъ: «Экваторъ» или «Портюгаль». Просьба ея была исполнена, и она поступила на «Портюгаль», гдѣ вскорѣ была назначена старшей сестрой.

Анна съ дѣтства часто и подолгу живала въ Одессѣ и на приморской дачѣ своихъ родителей, любила Одессу, считала ее своимъ роднымъ городомъ, но еще сильнѣе она любила Черное море и также считала его своимъ. «Я помню», разсказывала одна изъ ея сестеръ, «какъ Анна любила море. Я вспоминаю когда она была еще очень молодая, а я подросткомъ, она говорила: „Такъ хорошо умереть въ морѣ". Я тогда удивалась, потому что мнѣ это казалось совсѣмъ не хорошо и очень непріятно». Анна любила морскія

путешествія и никогда не страдала морскою болѣзнью. Поэтому работа на госпитальномъ суднѣ вполнѣ соотвѣтствовала ея личнымъ вкусамъ.

Подводныхъ лодокъ въ то время для госпитальныхъ судовъ, плавающихъ подъ защитою креста, всемірно признанныхъ неприкосновенными, не опасался никто, но наличность въ Черномъ морѣ плавучихъ минъ была извѣстна всѣмъ. На самомъ «Портюгалѣ» и внѣ его часто говорилось о возможности наскочить на мину, и этой опасности нельзя было не сознавать,

Сознавала ли ее и Анна?

Препятствія и преграды на жизненномъ пути человѣка бываютъ не только внѣшнія, но и внутреннія, и въ числѣ послѣднихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ страхъ передъ опасностью. Анна не знала страха. Одною изъ самыхъ яркихъ чертъ ея характера была не храбрость, а именно безстрашіе. Передъ опасностью она всегда оставалась невозмутимою, не потому, что она владѣла собой, что силою своей воли она побѣждала свой страхъ, а просто потому, что она не боялась. Она никогда не искала способовъ, чтобы отъ опасности уклониться, но спокойно и добровольно шла ей навстрѣчу.

Анна Мейендорфъ (средняя). На палубѣ „Портюгаль“.

Не задолго до отхода «Портюгаля» изъ Одессы въ Батумъ между Анною и одною изъ ея хорошихъ знакомыхъ произошелъ разговоръ, въ которомъ Анна объясняла и доказывала, что долгъ каждой сестры милосердія идти навстрѣчу опасности, и какъ всякому призванному на войну военному, надо быть готовой къ смерти. Съ нею спорили, возражая, что долгъ сестры помогать раненымъ, а не идти на встрѣчу смерти, но переубѣдить ее не могли. Это убѣжденье сложилось у Анны въ тотъ день и часъ, когда она впервые рѣшилась пойти на войну, и съ тѣхъ поръ оно никогда не измѣнялось и не колебалось. Такъ Анна понимала свой долгъ.

* * *

Будучи еще очень юною, Анна какъ-то сказала: „Умирать стоитъ только, спасая другихъ. Иначе обидно“. Никто не могъ предвидѣть тогда, что въ этихъ наивныхъ, дѣтскихъ словахъ таился глубокій и пророческій смыслъ.

О послѣднихъ минутахъ Аннинои жизни и о ея смерти спасшіеся съ „Портюгаля“ разсказали:

Въ день катастрофы всѣ на „Портюгалѣ“ поднялись очень рано, такъ какъ надо было подготовиться къ погрузкѣ ожидавшагося транспорта раненыхъ. По словамъ священника и одной изъ сестеръ не задолго до появленія подводной лодки Анна въ числѣ другихъ пила чай въ каютъ-кампаніи и въ то же время давала указанья и распоряженья безпрестанно подходившимъ къ ней съ разными вопросами сестрамъ. Священникъ и сестра вышли изъ каютъ-кампаніи, оставивъ Анну за чайнымъ столомъ, и больше ее не видали.

Оставшіеся въ живыхъ удостовѣрили, что Анна въ моментъ появленія подводной лодки находилась еще въ каютъ кампаніи и оттуда вышла на палубу. Она вмѣстѣ съ другими

наблюдала за маневрами подводной лодки, стоя около салона. Когда всѣ поняли, что «Португалю» угрожаетъ опасность, что надо приготовиться къ катастрофѣ и что-либо предпринять для спасенія, Анна побѣжала по трапу внизъ съ цѣлью вызвать и этимъ спасти оставшихся въ нижнихъ помѣщеніяхъ судна.....

Здѣсь, на палубѣ, наверху оставалась послѣдняя возможность: броситься въ море—спасти себя. Тамъ, внизу, откуда выхода не было, погибали другіе, и Анна спѣшила къ нимъ, чтобы спасти ихъ.... или умереть вмѣстѣ съ ними.....

Послѣдняя изъ оставшихся въ живыхъ Анну видѣла сестра Ю. Утомленная дежурствомъ предыдущей ночи, она еще спала въ своей каютѣ, когда ее разбудилъ чей-то голосъ въ корридорѣ: „Спасайтесь. Подводная лодка!“ Она выбѣжала изъ каюты и, увидавъ въ коррицорѣ Анну, бросилась къ ней. На Аннѣ былъ надѣтъ спасательный поясъ. Она казалась вполнѣ спокойною и встрѣтила сестру Ю. словами: „Душечка, что же это вы? Одѣньтесь скорѣе и возьмите поясъ“. И въ голосѣ ея не слышалось волненія. На свой вопросъ: „Успѣю ли я?“ сестра Ю. отвѣта не слыхала, потому что въ эту минуту раздался взрывъ. Тогда она побѣжала и видѣла, что бѣжала также и Анна. Когда сестра Ю., поднявшись по трапу, оказалась въ салонѣ, находившемся на палубѣ, все вокругъ нея стало ломаться, и она была вовлечена въ образовавшійся водоворотъ. Гдѣ и когда она потеряла изъ виду Анну, она впослѣдствіи вспомнить не могла.....

Такъ окончилась Аннина жизнь.... Послѣдній часъ, послѣдняя минута, послѣднее слово—забота о другихъ, забвенье о себѣ.

* * *

Быть можетъ, случайно удалось нѣмцамъ потопить «Португаль», и случайно попала Анна именно на это госпитальное судно. Но жизнь свою она всегда, каждый день и каждый часъ, безъ страха, безъ колебанья, безъ сожалѣнья, была готова добровольно отдать за ближняго своего.

Когда насталъ ея послѣдній часъ, Аннинъ подвигъ завершился высшею жертвою доступною человѣку.

Тотъ, кто жизнь ей далъ, кто вдохнулъ въ ея невинную душу животворящую силу всепобѣждающей любви, принялъ отъ нея ея жизнь.

„Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ“.

У Анны нѣтъ могилы, украшенной земными цвѣтами, нѣтъ памятника, созданнаго руками людей.

Аннину могилу—необъятное море, сама природа украшаетъ своею вѣчною красой. Свѣтлая и славная память о ней—памятникъ нерукотворный.

Не всѣ мы, знавшіе Анну и ею любимые, знаемъ другъ друга, но своею любовью она соединила наши сердца незримыми нитями. Изъ нихъ сплетенъ ея единственный вѣнокъ.

Б***.

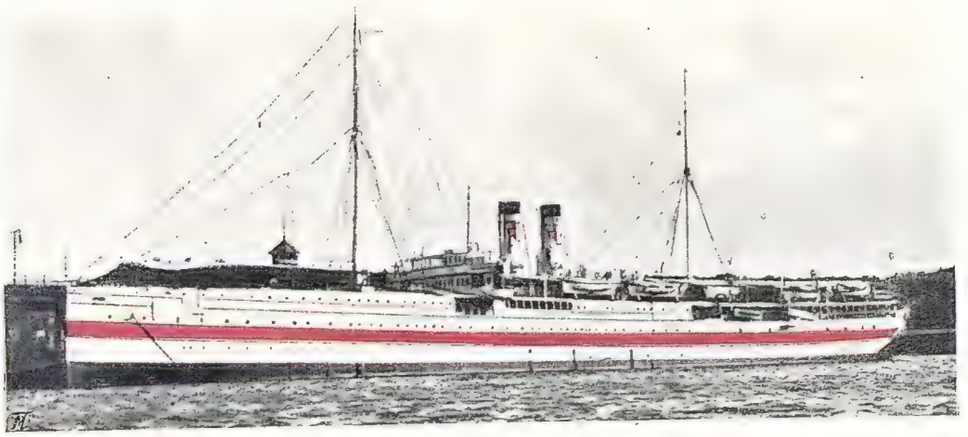
Одесса 17 сентября 1916 г.

Сестра Анна Васильевна Минаева (*слѣва*)
и сестра П. М. Самойлова.

Сестра баронесса
Валентина Владиміровна Арпсгофенъ.

Сестра Елена Владиславовна
Селява.

Фармацевтъ Александръ Леонидовичъ
Рытвинскій.



Госпитальное судно „Портюгаль“.

„ПОРТЮГАЛЬ“.

Товаро-пассажирскій пароходъ «Портюгаль», водоизмѣщеніемъ въ 9805 тоннъ, при 460 футахъ длины и 46 футахъ ширины, принадлежалъ французскому обществу «Messageries Maritimes», былъ спущенъ на воду въ 1886 г. и совершалъ періодическіе рейсы между Марселемъ и Одессою.

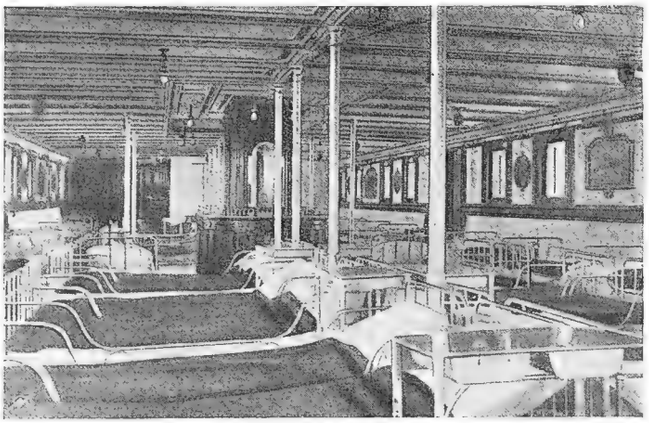
Прибывъ 15 сентября 1914 г. въ Одессу съ грузомъ и пассажирами, «Портюгаль» былъ застигнутъ началомъ военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей и, не имѣя возможности вернуться во Францію, остался въ Одесскомъ порту. Во время обстрѣла Одессы турецкими судами онъ получилъ пять пробоинъ, сильно пострадалъ отъ вспыхнувшаго пожара, и на немъ были убиты буфетчикъ и горничная. Послѣ этого, «Портюгаль» былъ реквизированъ французскимъ правительствомъ и переданъ русскому морскому министерству, а послѣднимъ предоставленъ въ распоряженіе Краснаго Креста для переустройства въ госпитальное судно.

На «Портюгалѣ» были оборудованы палаты на почти 500 человѣкъ, операціонная, перевязочная, аптека, походная церковь, лабораторія, дезинфекціонная камера, цейхгаузъ и пр. Снаружи онъ былъ выкрашенъ, согласно Гаагской конвенціи 1907 г., въ бѣлый цвѣтъ съ широкою красною полосою по всему борту и большими красными крестами на трубахъ. На мачтѣ былъ поднятъ флагъ Краснаго Креста. Для ночныхъ плаваній былъ устроенъ надъ капитанскимъ мостикомъ значительныхъ размѣровъ крестъ изъ красныхъ электрическихъ лампочекъ.

На «Портюгаль» были назначены: персоналъ Краснаго Креста, въ составѣ Уполномоченнаго, 3 врачей (изъ нихъ одинъ французъ), фармацевта, завѣдующаго хозяйствомъ, священника, 20 сестеръ милосердія, завѣдующей бѣльемъ и 73 санитаровъ, 2 горничныя,

и судовой персоналъ: французскій капитанъ Дюва, комендантъ Тихменевъ и 139 человѣкъ офицерскихъ чиновъ и команды (изъ нихъ 44 француза). Весь экипажъ «Портюгаля» состоялъ изъ 243 человѣкъ.

Въ началѣ ноября 1915 г. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ довело до свѣдѣнія Турціи и Болгаріи, что оборудованіе госпитальнаго судна окончено, и что «Портюгаль» предназначенъ для плаванія по Черному морю. 21 декабря того же года министерство увѣдомило управленіе Краснаго Креста, что вражескія правительства признали за «Портюгалемъ» установленныя Гаагской конвенціей права госпитальнаго судна.



Госпитальное судно „Портюгаль"
Палата.

По сложившимся обстоятельствамъ «Портюгаль» простоялъ въ Одессѣ нѣсколько мѣсяцевъ у карантиннаго мола, а медицинскій персоналъ, какъ врачи такъ и сестры, обслуживалъ портовой лазаретъ, перевязывая раненыхъ, доставляемыхъ для этого на судно.

Въ первый разъ «Портюгаль» вышелъ въ море 1 декабря 1915 г., простоялъ нѣсколько дней въ 10 верстахъ отъ Очакова и 6 декабря вернулся въ Одесскій портъ, гдѣ въ началѣ января его посѣтилъ находившійся въ то время на югѣ Россіи французскій генералъ По.

«Портюгаль» вышелъ впервые изъ Одессы въ Батумъ 14 февраля 1916 г. Погода была холодная, шелъ снѣгъ при сильномъ вѣтрѣ, и многіе изъ персонала страдали отъ качки. Подъ вечеръ «Портюгаль» благополучно разошелся съ сорвавшеюся съ мѣста миною загражденія. Мина прошла почти по борту судна и, напомнивъ о томъ, что подобныя встрѣчи всегда возможны, вызвала у персонала жуткое чувство. Но вскорѣ всѣ занялись своимъ дѣломъ и забыли о пережитомъ волненіи.

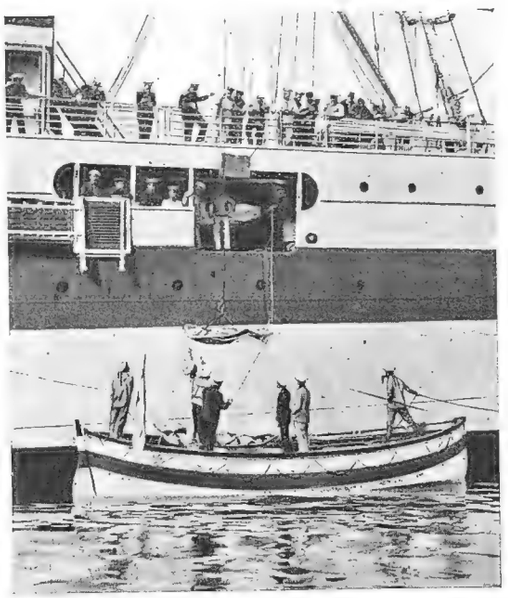
Госпитальное судно „Портюгаль"
Палата.

При заходѣ солнца на горизонтѣ показалось какое-то судно, шедшее впереди на сѣверо-востокъ, а ночью, когда «Портюгаль» находился въ открытомъ морѣ, онъ неожиданно оказался освѣщеннымъ лучомъ прожектора. Вслѣдъ за этимъ его догнали два русскихъ миноносца и, остановивъ, посовѣтовали спѣшить въ Батумъ, нигдѣ по пути не задерживаясь. Это вызвало на «Портюгалѣ» предположеніе, что встрѣченное наканунѣ военное судно было германо-турецкій крейсеръ «Гебенъ».

17 февраля около 12 ч. дня «Портюгаль» благополучно пришелъ въ Батумъ, а 20 февраля въ 1 ч. дня онъ вышелъ за ранеными своимъ первымъ рейсомъ и къ вечеру подошелъ къ Арташену. Погрузка раненыхъ была сопряжена съ большими затрудненіями. Былъ сильный прибой, и уже наступила темнота. Спущенныя съ «Портюгаля» шлюпки, на которыхъ раненые доставлялись на судно съ берега, съ трудомъ вытягивались на берегъ матросами и санитарами. Удержать ихъ на берегу, пока въ нихъ размѣщались раненые,—по 8 носилочныхъ или 25 сидячихъ,—требовало также большого усилія людей. Наполненныя ранеными шлюпки сталкивались обратно на воду и буксировались къ «Портюгалю» на веслахъ вельботомъ. При этомъ отъ силы прибоя разбились о берегъ одна пустая шлюпка и одинъ вельботъ. Когда шлюпки съ ранеными приставали къ судну, лежачихъ на спеціально приспособленныхъ носилкахъ поднимали на блокѣ, а ходячіе входили по трапу съ помощью санитаровъ. Затѣмъ всѣ размѣщались по палатамъ, а тѣхъ, которымъ нужна была немедленная помощь спускали непосредственно въ перевязочную. Погрузка закончилась въ 2 ч. ночи. Послѣднюю шлюпку, въ которой находились врачъ и матросы, захлестнуло водой, и они совершенно промокли.

Шлюпки „Портюгаля", идущія къ берегу за ранеными.

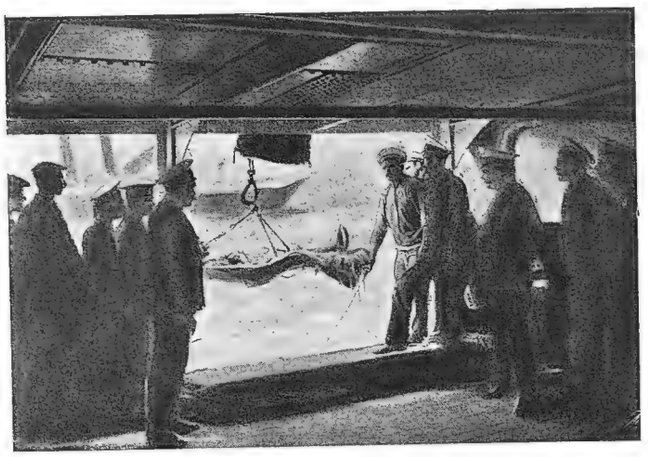
Первымъ опытомъ выяснилось крайнее неудобство килевыхъ шлюпокъ, тѣмъ болѣе что погрузка, сопровождавшаяся большою потерею времени и силъ, не могла не причинять раненымъ излишнихъ страданій, такъ какъ часто за невозможностью подвести шлюпку къ берегу приходилось переносить раненыхъ на носилкахъ по мало устойчивымъ сходнямъ. При этомъ санитары шли по колѣно въ водѣ, а раненымъ на узкомъ днѣ шлюпки приходилось лежать въ самыхъ для нихъ неудобныхъ положеніяхъ. Было рѣшено замѣнить шлюпки плоскодонными ботами и буксировать ихъ паровымъ катеромъ.



Погрузка раненыхъ со шлюпки на „Портюгаль".

21 февраля въ 10 ч. утра «Портюгаль» вернулся въ Батумъ, гдѣ онъ и сдалъ доставленныхъ имъ раненыхъ, а 22 февраля въ 7 ч. утра онъ вторично вышелъ въ Арташенъ и прибылъ въ 12 ч. День былъ теплый, море спокойное. Окончивъ погрузку, въ 4 ч. дня «Портюгаль» направился вдоль берега къ Мепари. Около 7 ч. вечера приняли раненыхъ и тамъ, и ночь простояли на рейдѣ при полныхъ огняхъ. Съ восходомъ солнца «Портюгаль» вернулся въ Арташенъ и принялъ новую партію раненыхъ, доставленныхъ съ окрестныхъ горъ. Въ это время у Атины шелъ бой, съ горъ доносилась канонада, и когда «Портюгаль» подо-

шелъ къ Атинѣ, она была еще охвачена пожаромъ. Въ 4 ч. дня «Портюгаль» вернулся въ Батумъ, по пути предупредивъ по безпроволочному телеграфу о своемъ прибытіи, что значительно ускорило и облегчило сдачу раненыхъ въ береговые лазареты.



Погрузка раненыхъ на „Портюгаль".

Послѣ этого «Портюгаль» простоялъ въ Батумѣ около двухъ недѣль. Одинъ изъ его врачей, французскій бактеріологъ Бешанъ получилъ другое назначеніе и покинулъ судно. «Портюгаль» вышелъ въ свой третій рейсъ 9 марта въ 5 ч. утра, и около полудня остановился у Ризе, гдѣ начальникъ дессантной базы предложилъ для перевозки раненыхъ два своихъ бота и катеръ. Переночевавъ на рейдѣ Ризе, «Портюгаль» на разсвѣтѣ пошелъ въ Фахтію и, принявъ тамъ раненыхъ, въ $8^1/_2$ ч. утра повернулъ обратно въ Батумъ.

12 марта прибыли на «Портюгаль» изъ Петрограда вновь назначенные уполномоченный графъ Леонидъ Леонидовичъ Татищевъ со своею женою, сестрою милосердія и изъ Екатеринослава сестра Елена Николаевна Воронова.

13 марта на разсвѣтѣ «Портюгаль» опять вышелъ въ Ризе и прибылъ туда около часу дня.

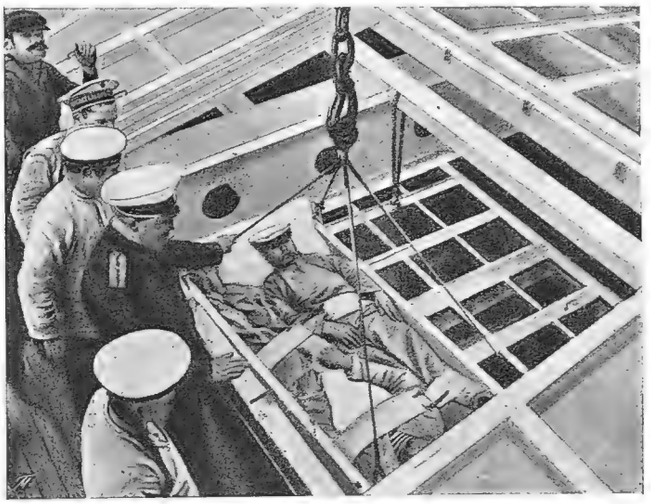
Раненые на трапѣ „Портюгаля".

Живописное Анатолійское побережье поражало роскошью своей растительности. Безпорядочно нагроможденные бѣлые домики его небольшихъ городовъ утопали въ темной зелени апельсиновыхъ рощъ. Но и на этотъ прекрасный, когда то мирный и уютный уголокъ безпощадная война наложила свой отпечатокъ. Вдали слышалась орудійная стрѣльба. Вдоль берега, по направленію къ русской границѣ, спѣшили бѣженцы то кучками, то въ одиночку, погоняя передъ собою скотъ и перетаскивая остатки своего имущества.

Принявъ раненыхъ въ Ризе и переночевавъ на рейдѣ, на разсвѣтѣ «Портюгаль» вышелъ въ Фахтію, взявъ на буксиръ предоставленный начальникомъ дессантной базы ботъ. У Фахтіи шелъ сильный бой, раненыхъ подвозили безпрестанно, и одинъ транспортъ былъ принятъ съ подошедшей фелюги. Позднѣе «Портюгаль» пошелъ въ Тирибонъ и прибылъ туда въ 4 ч. дня. На берегъ было выгружено большое количество бѣлья съ намѣреніемъ переодѣть раненыхъ до погрузки, но отъ этого пришлось отказаться, такъ какъ лазаретъ, сдававшій раненыхъ помѣщался въ нѣсколькихъ грязныхъ хижинахъ. Раненые лежали на соломѣ и на носилкахъ въ такой тѣснотѣ, что ихъ почти не было возмож-

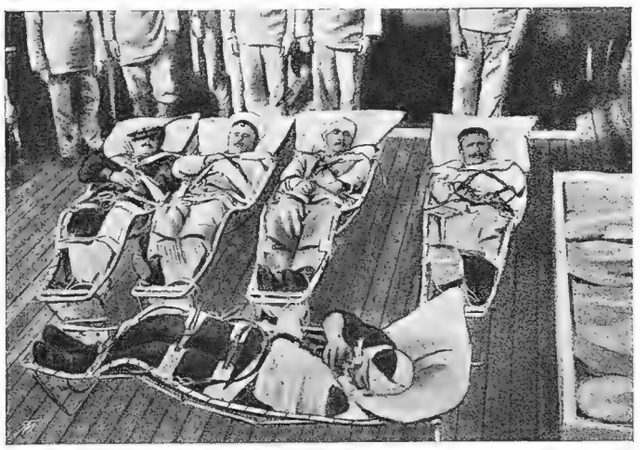
ности перевязывать. Весь берегъ былъ занятъ идущими на фронтъ войсками. Солдаты расположились у моря, приготовляли свой обѣдъ, чинили и стирали свои вещи или просто отдыхали передъ походомъ. Раненыхъ пришлось взять больше, чѣмъ было мѣстъ, и ихъ клали на матрацахъ на ютъ, на боковыя палубы и на нарахъ въ самыхъ нижнихъ трюмахъ.

Изъ Тирибона «Портюгаль» направился за ранеными въ Офъ и тамъ грузился до 4 час. утра. Ночь была темная. Изъ окружавшаго «Портюгаль» тумана неожиданно появились очертанія приближавшагося русскаго миноносца. Когда онъ подошелъ почти вплотную, съ него послышались тихіе сигнальные звонки, и былъ поданъ сигналъ, означавшій что въ водахъ Тирибона и Офа замѣчена непріятельская подводная лодка. Закончивъ погрузку, «Портюгаль» тотчасъ же пошелъ обратно. Миноносецъ слѣдовалъ за «Портюгалемъ» отъ Офа до Ризе. Въ Батумъ прибыли 15 марта въ 2 ч. дня, и до 3 час. ночи всѣ были заняты передачею раненыхъ на берегъ.



Спускъ носилокъ съ ранеными въ перевязочную на „Портюгалѣ".

Среди раненыхъ, которыхъ перевозилъ «Портюгаль», нерѣдко попадались и турки, для которыхъ была отведена отдѣльная палата, обычно называвшаяся персоналомъ «турецкою». Между прочимъ, попадая на русское госпитальное судно—въ руки своихъ враговъ, турки сначала не вѣрили, что имъ наравнѣ со своими будетъ оказана помощь, и когда имъ предлагали пищу, они, опасаясь, что ихъ хотятъ отравить, требовали отъ сестеръ, чтобы онѣ сперва попробовали сами.



Раненые, поднятые изъ шлюпокъ на носилкахъ, на палубѣ „Портюгаля".

Между тѣмъ, по иниціативѣ представителя Верховнаго Начальника Санитарной части, транспортъ «Чіатура» привелъ въ Батумъ изъ Одессы три плоскодонныхъ десантныхъ бота и паровой катеръ, предназначенныхъ для перевозки раненыхъ съ берега на «Портюгаль». Боты эти представляли большое удобство, такъ какъ, благодаря своему плоскому дну, они легко могли подходить къ самому берегу, а ихъ откидная корма образовала хорошія сходни, по которымъ можно было вносить носилки и ставить ихъ на широкое дно бота, избѣгая такимъ образомъ мучительной для раненыхъ перегрузки. Сначала предполагалось поднять боты и катеръ на палубу «Портюгаля», но громоздкость и тяжесть этихъ ботовъ (до 300 пуд. каждый) и катера (около 450 пуд.) заставили отказаться отъ этого. Начальникъ военнаго порта въ Батумѣ разрѣшилъ отвести боты и катеръ на буксирѣ въ Офъ

и сдать ихъ начальнику дессантной базы, который впослѣдствіи могъ бы присылать ихъ по мѣрѣ надобности къ мѣстамъ погрузки.

16 марта уборка судна заняла почти весь день. Нужно было все вычистить получить изъ лазаретовъ обратно бѣлье, продезинфекцировать его, взять уголь и вообще подготовиться къ новому рейсу.

Эвакуація раненыхъ изъ лазарета Курскаго земства въ Ризе. Раненыхъ переодѣваютъ передъ погрузкою ихъ на „Портюгаль".

Передъ самымъ отходомъ его на «Портюгаль» прибылъ отрядъ Краснаго Креста въ составѣ одного врача, 6 сестеръ, священника и дѣлопроизводителя, которымъ нужно было доѣхать до Офа.

Въ 6 ч. 30 м. пополудни «Портюгаль» вышелъ изъ Батумскато порта въ свой пятый и послѣдній рейсъ. Вечеръ былъ ясный и теплый, море спокойно. На берегу собралось много народа. «Портюгаль» медленно отходилъ при всѣхъ своихъ огняхъ и ярко горѣвшемъ большомъ красномъ крестѣ. На стоявшемъ вблизи броненосцѣ оркестръ игралъ торжественный прощальный маршъ...

Выйдя изъ порта въ море «Портюгаль» принялъ на буксиръ три бота и катеръ, на кормѣ котораго былъ тогда же поднятъ флагъ Краснаго Креста въ 1¼ арш. въ квадратѣ. Боты были прикрѣплены своими носами къ поперечной пластинѣ, отъ концовъ которой шли къ кормѣ судна два каната длиною свыше 50 саженей. За среднимъ ботомъ также на канатѣ шелъ катеръ. Боты и катеръ были выкрашены въ обыкновенный морской цвѣтъ и обслуживались 18 человѣками прибывшей съ ними изъ Одессы команды, изъ которыхъ на нихъ оставалось лишь необходимое для управленія рулями и поддержанія паровъ количество людей. Громоздкіе боты и катеръ замедляли ходъ судна, и потому его переходъ изъ Батума до Офа былъ разсчитанъ на 15 часовъ.

Городъ Ризе.

Не взирая на усталость отъ предыдущаго рейса, разгрузки и уборки, медицинскій персоналъ еще съ вечера занялся послѣдними приготовленіями къ ожидавшемуся въ 9 час. слѣдующаго утра пріему раненыхъ. Послѣ обѣда сестры расположились на верхнемъ ютѣ, отдыхая и любуясь тихою звѣздною ночью. Къ нимъ подошелъ комендантъ и сказалъ: «Благодарите Бога, что мы благополучно прошли минныя заграждения». А на удивленный вопросъ: «Почему?» онъ пояснилъ, что катеръ и боты на буксирѣ у «Портюгаля» затрудняли лавированіе судна. Послѣ вечерняго чая старшая сестра, бар. А. Ф. Мейендорфъ, предложила сестрамъ заняться надписываніемъ карточекъ для мѣшковъ, предназначенныхъ для вещей раненыхъ. Эта работа сопро-

вождалась оживленными разговорами и веселыми разсказами. Никому изъ сестеръ неприходило въ голову, что для большинства изъ нихъ этотъ вечеръ былъ въ ихъ жизни послѣднимъ...

Къ 11 ч. разошлись по каютамъ, поручивъ деньщику старшаго врача всѣхъ разбудить передъ приходомъ въ Офъ.

Послѣдняя вахта на „Портюгалѣ".

Въ тиши ночной, чуть слышался плескъ волны и отчетливо раздавался равномѣрный стукъ машины. На вахтѣ дежурный офицеръ изрѣдка перекликался съ рулевымъ. Въ машинномъ отдѣленіи работала ночная смѣна команды. Медленно и плавно шелъ «Портюгаль» по своему послѣднему пути. За нимъ, освѣщенный его огнями, тянулся по морю серебристый слѣдъ. Въ волнахъ трепетали отраженія огней. Надъ нимъ раскинулось шатромъ усѣянное звѣздами темное небо. Осѣненный своимъ горѣвшимъ на мачтѣ крестомъ—своею единственною защитою—«Портюгаль» уснулъ беззаботнымъ и безметяжнымъ сномъ, позабывъ о плавучихъ минахъ и о нечаянныхъ встрѣчахъ съ непріятельскими судами, назначеніе которыхъ преслѣдовать лишь тѣхъ, кто имѣетъ возможность вступить съ ними въ бой. .

Въ четвергъ 17 марта 1916 г. около 7 час. утра деньщикъ Петръ Кинъ, ошибочно принявъ Ризе за Офъ, разбудилъ персоналъ «Портюгаля» и, раньше чѣмъ обнаружилась эта ошибка, которой многіе изъ спасшихся были обязаны своею жизнью, на суднѣ всѣ успѣли встать и одѣться. Собирались въ каютъ компаніи для утренняго чая.

Тѣмъ временемъ «Портюгаль», миновавъ Ризе, ускорилъ ходъ и сталъ приближаться къ Фахтіи. Волна отъ винта захлестнула средній ботъ, шедшій на его буксирѣ, и ботъ началъ наполняться водою. Около 8 час. утра у мыса Фиджіе «Портюгаль» застопорилъ машины, сталъ въ 2—3 миляхъ отъ берега, держа носъ немного мористѣе кормы, и, не отдавая якорей, приступилъ къ откачиванію воды изъ тонувшаго бота. «Портюгаль» стоялъ на глубинѣ 200 саженей и сидѣлъ въ водѣ на 22 фута.

Утро было ясное, море спокойное и, благодаря полному отсутствію тумана, горизонтъ былъ виденъ на далекомъ разстояніи. Справа отъ «Портюгаля» раскинулось пустынное море, слѣва, немного позади его, у подножья горъ ютились постройки Фахтіи. Между «Портюгалемъ» и берегомъ, у Фахтіи стояли два дессантныхъ траулера, занятыхъ выгрузкою войскъ и снарядовъ. Одинъ изъ охранявшихъ траулеры миноносцевъ виднѣлся впереди, по направленію къ Трапезунду, а другой «Смѣтливый» находился позади «Портюгаля».

На разстояніи около 8-ми миль «Смѣтливый» не только замѣтилъ впереди себя «Портюгаль», но и тотчасъ же опозналъ его, такъ какъ красная полоса на его борту и кресты на трубахъ были, и на далекомъ разстояніи отчетливо видны. Увидавъ, что «Портюгаль» внезапно остановился и опасаясь, что съ нимъ что-либо случилось, «Смѣтливый» направился къ нему и на полъ-пути убѣдился, что остановка вызвана откачиваніемъ воды изъ бота.

На палубѣ «Портюгаля», у кормы, слѣдя за работой на ботѣ, столпились сестры въ своихъ бѣлыхъ косынкахъ, съ крестами на груди, и санитары со знаками креста на нарукавныхъ повязкахъ, фуражкахъ и погонахъ.

Въ это время вахтенный рулевой замѣтилъ вдали перископъ подводной лодки, направлявшейся къ лѣвому борту «Портюгаля», и крикнулъ: «Подводная лодка!». На палубѣ тотчасъ же поднялась тревога, и многіе бросились за спасательными поясами. Капитанъ Дюва и комендантъ Тихменевъ старались всѣхъ успокоить, говоря, что опасаться нечего, такъ какъ лодка не можетъ не видѣть опознательныхъ знаковъ «Портюгаля», и тѣмъ болѣе не можетъ аттаковать судно, идущее подъ защитою креста; скорѣе можно было предполагать, что она готовится къ нападенію на виднѣвшіеся вдали миноносцы или на выгружавшіе войска и снаряды траулеры; наконецъ не было увѣренности, что лодка не своя, а вражеская. Успокоенные всѣми этими доводами, нѣкоторые изъ наблюдавшихъ за движеніями перескопа перестали имъ интересоваться и даже отнесли на мѣсто взятые ими пояса. Тѣмъ не менѣе общее тревожное состояніе не прекращалось. Вѣсть о появленіи подводной лодки быстро разнеслась по судну, и всѣ спѣшили на палубу.

Тѣмъ временемъ лодка, продолжая держаться подъ водою, подошла ближе, точно желая убѣдиться, что передъ нею стоитъ не военное а госпитальное судно. Спасшійся старшій кочегаръ Жанъ Пензутти, лежавшій вслѣдствіе нездоровья въ каютѣ, находившейся на лѣвомъ борту судна, услыхалъ характерный звукъ идущей въ водѣ мины и, быстро поднявшись къ иллюминатору, ясно увидѣлъ на водѣ слѣдъ оставляемый миною вдоль борта. Выпустивъ неудачно мину въ лѣвый бортъ «Портюгаля», лодка стала медленно обходить его носъ на разстояніи саженей десяти. Описавъ дугу, лодка также медленно стала приближаться къ правому борту «Портюгаля». Отойдя на 30—40 саженей отъ середины его корпуса, лодка подняла выше перископъ и остановилась. Въ то же мгновенье раздался крикъ: «Мина идетъ!» Старшій врачъ Воеводинъ замѣтилъ въ бинокль, какъ покачнулся перископъ и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ спрятать бинокль, онъ замѣтилъ, что отъ лодки къ «Портюгалю» по водѣ тянулась рябь—слѣдъ приближавшейся мины.

Генріетта Медзыховская (*сидитъ*) и Татьяна Александрова (*стоитъ*) на палубѣ „Портюгаля".

Раздался глухой взрывъ. Лодка быстро ушла въ море. Мина ударила въ подводную часть «Портюгаля», въ серединѣ его, противъ машиннаго отдѣленія. «Портюгаль» вздрогнулъ всѣмъ своимъ корпусомъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался второй оглушительный взрывъ котловъ въ машинномъ отдѣленіи. Надломленный «Портюгаль» началъ перегибаться. Носъ и корма поднимались вверхъ, середина опускалась. Послышался трескъ ломающейся палубы.

На кормѣ и на носу, цѣпляясь за что попало люди метались съ криками ужаса и отчаянія. Болѣе смѣлые бросались въ море. Многіе не могли удержаться на почти вертикально наклонившихся носовой и кормовой палубахъ, скатывались въ образовавшуюся въ средней части судна пропасть, гдѣ въ бѣшеномъ водоворотѣ кружились всевозможные обломки Часть людей, бившихся въ водоворотѣ, была выброшена изъ него вмѣстѣ съ обломками судна. Верхній ютъ взлетѣлъ на воздухъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ подброшенъ на громадную высоту одинъ изъ находившихся на немъ матросовъ.

«Портюгаль» сломался пополамъ. Поднявшись на страшную высоту, носъ и корма соединились; обѣ мачты сложились подъ прямымъ угломъ, образовавъ собою крестъ, и подъ сѣнью этого креста «Портюгаль» стремительно исчезъ подъ водою.

Съ момента удара мины до полнаго погруженія судна прошло не болѣе 1½ минутъ.

Отъ «Портюгаля» осталась лишь горсть погибающихъ людей, разбросанныхъ по морю, взывающихъ о помощи, слабѣющихъ въ борьбѣ съ волнами, съ отчаяніемъ хватающихся за обломки судна, и жалкіе остатки его имущества, всплывшіе на поверхность воды. Уцѣлѣли два бота, у которыхъ находившіеся на нихъ въ моментъ катастрофы успѣли перерубить канаты.

Немедленно приступили къ спасанію погибавшихъ подоспѣвшій черезъ три минуты «Смѣтливый» и подошедшіе немного позднѣе оба траулера и лодки начальника дессантной базы.

Съ «Портюгаля» успѣли спустить только одну изъ спасательныхъ шлюпокъ, которая раньше, чѣмъ были отданы связывавшія ее съ судномъ тали, опрокинулась и потопила почти всѣхъ, поспѣшившихъ въ нее забраться. Около 40 человѣкъ спаслось на двухъ плотахъ. Три плота (4×7 арш. каждый), состоявшія изъ нѣсколькихъ полыхъ металлическихъ цилиндровъ, скрѣпленныхъ между собою рельсами, были привязаны толстыми проволоками къ кормѣ «Портюгаля». Отличавшемуся необыкновенною силою помощнику капитана И. И. Берману и санитару Степану Давыденко удалось голыми руками оборвать часть проволокъ и, освободивъ два плота, столкнуть ихъ на воду.

К. Лихтанская *(крайняя слѣва)*, С. Авчинникова *(вторая слѣва)*, Т. Александрова *(у трубы)*, А. Мейендорфъ *(сидитъ крайняя справа)* на палубѣ „Портюгаля".

Принявъ на свой бортъ спасенныхъ «Смѣтливый» сталъ обыскивать мѣстность, надѣясь догнать подводную лодку, и вскорѣ обнаружилъ бурунъ, оставляемый ходомъ перископа. По удалявшейся къ Трапезунду лодкѣ былъ немедленно открытъ огонь, но она поспѣшила спрятать свой перископъ и скрылась.

* * *

Послѣднія минуты «Портюгаля» не были омрачены обычными во время катастрофъ проявленіями малодушія обезумѣвшихъ отъ страха людей, вступающихъ другъ съ другомъ въ борьбу изъ-за спасательныхъ средствъ и права на сохраненіе своей жизни. Оставшіеся въ живыхъ удостовѣрили, что многіе изъ личнаго состава, какъ Краснаго Креста такъ и судовой команды, выказали большое самоотверженіе.

Фармацевтъ Александръ Рытвинскій, завѣдующій хозяйствомъ Павелъ Левицкій и радіотелеграфистъ Моизъ Жоржетти (французъ) сняли съ себя спасательные пояса и надѣли ихъ на сестеръ, а сами погибли.

Старшая сестра баронесса Анна Мейендорфъ, въ минуту крайней опасности бросилась по трапамъ внизъ, надѣясь спасти оставшихся внутри судна, и погибла, не успѣвъ вернуться на палубу.

Уполномоченный графъ Леонидъ Татищевъ, оставался на палубѣ до послѣдней минуты все время, стараясь ободрить окружающихъ, и ничего не предпринимая для своего собственнаго спасенія, и погибъ вмѣстѣ съ судномъ.

Санитаръ Скульскій, когда уже многіе бросались въ море, подбѣжалъ къ врачу Глинскому и помогъ ему раздѣться. Глинскій спасся, а онъ погибъ.

Изъ оставшихся въ живыхъ многіе, забывъ о себѣ, оказывали помощь погибавшимъ.

Объ обстоятельствахъ гибели и спасенія отдѣльныхъ лицъ въ памяти спасшихся запечатлѣлись лишь отрывочные эпизоды.

Сестры Антонина Александровна Обольсина, Анна Васильевна Минаева, Генріетта Юльяновна Медзыховская и Софья Васильевна Авчинникова, напившись чаю, отправились въ свои палаты, помѣщавшіяся въ трюмѣ, въ нижней части судна. Всѣ четыре погибли. Двухъ послѣднихъ въ моментъ катастрофы видѣли на носу «Портюгаля».

Сестра Елена Владиславовна Селява еще не выходила изъ своей каюты и тоже погибла.

Сестра баронесса Валентина Владиміровна Арпсгофенъ, находясь на кормѣ, когда палуба поднималась, сорвалась и погибла, скатившись въ образовавшуюся по серединѣ судна воронку.

Старшая сестра, баронесса Анна Федоровна Мейендорфъ съ сестрами Татьяной Сергѣевной Александровой, прибѣжавшей въ бѣломъ халатѣ изъ перевязочной, и Екатериною Дмитріевной Василіу, на послѣдней былъ надѣтъ спасательный поясъ, стояли на ютѣ у салона, наблюдая за подводною лодкою. Ближе къ трапу, у праваго борта стояли сестры Олимпіада Ивановна Ющукъ, Ксенія Львовна Лихтанская и Елена Николаевна Воронова. Сестра Мейендорфъ спустилась въ нижнія помѣщенія, а сестры Ющукъ, Воронова и Лихтанская послѣ взрыва побѣжали къ серединѣ судна. Послѣднюю еще видѣли борющейся въ волнахъ недалеко отъ образовавшагося водоворота.

Обезумѣвъ отъ страха, сестра Александрова металась по палубѣ и громко кричала: «Боже мой, какъ я спасусь?» Услышавъ ея отчаянный крикъ, телеграфистъ Жоржетти насильно надѣлъ на нее свой спасательный поясъ. Пытаясь броситься въ море съ высоко поднявшейся кормы, она сорвалась и, размозживъ себѣ голову о винтъ, скатилась въ воду. Жоржетти бросился вслѣдъ за нею и тоже погибъ. За свой веселый и привѣтливый нравъ онъ былъ всеобщимъ любимцемъ на «Портюгалѣ».

Е. Василіу *(стоитъ сзади въ бѣлой косынкѣ)*, С. Авчинникова *(ниже Е. Василіу)*, Т. Александрова *(сидитъ спереди бокомъ)*, Е. Воронова *(сидитъ рядомъ съ Т. Александровой)* на палубѣ „Портюгаля".

Погибшая 65-ти лѣтняя мать коменданта Аделаида Адамовна Тихменева незадолго до катастрофы шла по корридору, неся въ рукахъ чашку кофе для своей юной любимицы сестры Марты Августовны Юргенсонъ, которую она намѣревалась разбудить. Въ моментъ взрыва ее видѣла на лѣвомъ борту сестра Пославская. Тихменева схватила ее за руку со словами: «Сестра, мы погибаемъ».

Фармацевтъ Рытвинскій, надѣвъ на себя поясъ, собирался броситься въ море, но услыхавъ крикъ о помощи сестры гр. Евдокіи Васильевны Татищевой, отдалъ ей свой поясъ. Она спаслась, а онъ погибъ.

Завѣдующій хозяйствомъ Левицкій находился на кухнѣ и до взрыва не зналъ о появленіи подводной лодки. Успѣвъ захватить поясъ, онъ выбѣжалъ на палубу и тотчасъ же отдалъ свой поясъ одной изъ сестеръ, а самъ, не умѣя плавать, остался на суднѣ и съ нимъ утонулъ.

Старшій врачъ Николай Александровичъ Воеводинъ, находясь въ моментъ катастрофы на главной палубѣ между трапомъ на полуютъ и операціонной, бросился въ

море съ правого борта. Сначала онъ ушелъ подъ воду, потомъ вынырнулъ и услыхалъ страшную брань: боцманъ Барабаринъ тащилъ за собою тонувшаго матроса, держа его за спину, и кричалъ на него: «Держись с... сынъ, греби руками!» Матросъ дѣйствительно вскорѣ пришелъ въ себя и заработалъ руками и ногами. Поймавъ доску, Воеводинъ поплылъ къ «Смѣтливому», при чемъ поднявшееся изъ воды бревно ударило его по ногѣ такъ сильно, что сапогъ разорвался на куски. Онъ видѣлъ трупы, плавающіе головою внизъ, благодаря соскользнувшимъ съ ихъ груди поясамъ: изъ воды торчали босыя ноги. Воеводинъ былъ поднятъ на шлюпку «Смѣтливаго».

Врачъ А. Ф. Глинскій находился вмѣстѣ съ сестрами на ютѣ. Послѣ взрыва онъ спустился на рукахъ на нижнюю палубу и поспѣшно раздѣлся, причемъ подбѣжавшій къ нему санитаръ Скульскій помогъ ему разуться. Санитаръ бросился къ серединѣ судна и погибъ. Мимо Глинскаго пробѣгали сестры съ поясами на груди. Бросившись въ воду съ лѣваго борта, онъ скоро вынырнулъ на поверхность. Окружившія его бревна и доски ударяли по его тѣлу, причиняя болѣзненные ушибы. Онъ видѣлъ, какъ съ поднявшагося носа «Портюгаля» скатывались и спускались по цѣпямъ люди. Продержавшись нѣкоторое время на спинѣ, онъ снова продолжалъ плыть и встрѣтилъ уцѣпившагося за бревно французскаго комиссара Сиванъ,—у него на груди сверхъ спасательнаго пояса висѣлъ мѣшокъ съ деньгами. Поясъ и деньги онъ успѣлъ захватить изъ своей каюты послѣ взрыва. Онъ отдалъ Глинскому свое бревно, а самъ поймалъ другое. Оба спаслись. Глинскаго поднялъ на ботъ санитаръ Олейниковъ и тутъ-же отдалъ ему свою сухую одежду.

К. Лихтанская (*сидитъ первая слѣва*), О. Ющукъ (*въ черной косынкѣ*), Т. Александрова (*стоитъ крайняя справа*) на палубѣ „Портюгаля".

Священникъ отецъ Евгеній Добровольскій стоялъ на кормѣ и въ первую минуту побѣжалъ за спасательнымъ поясомъ, но вернулся обратно, сбросилъ рясу и ботинки и по канату спустился въ воду. За нимъ послѣдовали и другіе. Когда онъ добрался до воды, онъ почувствовалъ на своей головѣ чьи-то ноги: образовалась живая цѣпь изъ спускавшихся по канату людей. Въ водѣ онъ ухватился за бревно и подплылъ къ боту. Матросъ схватилъ его за руку, но рука выскользнула и, потерявъ свое бревно, онъ снова очутился въ водѣ. Гибель казалась ему неминуемой, но матросы вытащили его на ботъ.

Сестра Нина Александровна Плахотникова убирала аптечку въ корридорѣ возлѣ перевязочной. Услыхавъ о подводной лодкѣ, она вышла на палубу и, увидавъ приближавшійся перископъ, побѣжала предупредить жившую съ нею въ одной каютѣ сестру Шатунову. Выбѣжавъ снова на палубу вмѣстѣ съ Шатуновой она надѣла поясъ, но, устыдившись своего малодушія, поспѣшила его снять. Послѣ взрыва одинъ изъ санитаровъ помогъ ей снова надѣть поясъ. Ухватившись за уже наклонявшійся бортъ, она повисла на немъ и видѣла, какъ по штурмъ-трапу къ водѣ спускались люди. На послѣдней ступенькѣ развѣвалась косынка. Она видѣла, какъ сестра поплыла. Въ эту минуту взорвались котлы. На Плахотникову посыпались стекла изъ оконъ салона. Она сорвалась и полетѣла въ море. Вынырнувъ, она услыхала голось санитара: «Сестрица, держитесь за доску!» Ее вытащилъ изъ воды французскій матросъ, державшійся на перевернувшемся баркасѣ, а затѣмъ ее подняли на траулеръ.

Сестра Зинаида Григорьевна Шатунова при взрывѣ котловъ упала отъ сотрясенія судна и покатилась на спинѣ. Поясъ съ нея свалился. Она попала въ водоворотъ и чувствовала, какъ подъ водой ее крутило. Когда она уже начинала захлебываться, санитары, находившіеся на одномъ изъ плотовъ, увидавъ надъ водой ея руки, вытащили ее на плотъ.

Сестра Ольга Алексѣевна Банковская, стыдясь заранѣе надѣть поясъ, стояла у борта, ухватившись руками за веревку. Когда корма стала подниматься, она накинула на шею петлю пояса и, не успѣвъ завязать его вокругъ себя, сорвалась и упала въ воду, при чемъ на нее полетѣли ящики и обломки. Не умѣя плавать, она погрузилась въ воду. Открыла глаза темно, потомъ стало свѣтлѣе. Она долго барахталась въ водѣ и наконецъ потеряла сознанье и всплыла, лежа на спинѣ. Санитары подняли ее на плотъ.

Сестра Ольга Яковлевна Свищова въ первую минуту послѣ взрыва, растерявшись бросилась съ палубы въ салонъ и оттуда къ трапу. Когда трапъ сталъ подъ нею ломаться, она опомнилась и снова выбѣжала на палубу. Ухватившись руками за бортъ она стояла въ какомъ-то оцѣпененіи. Увидавъ коменданта Тихменева, она спросила его: «Что мнѣ дѣлать?» Онъ молча снялъ съ крючка висѣвшій на борту спасательный кругъ и далъ его ей. Она надѣла на себя кругъ. Со словами: «Что вы дѣлаете?» Тихменевъ снялъ съ нея кругъ, далъ его ей въ руки и помогъ перелѣзть черезъ бортъ. Она поняла, что ей нужно спускаться по штурмъ-трапу и стараться отплыть. Пока она спускалась, слѣдовавшій за нею санитаръ наступилъ ей на руку. Отъ неожиданной боли она выпустила веревку трапа и, потерявъ свой кругъ, полетѣла въ воду спиною внизъ. Косынка захлестнулась ей на лицо и прилипла такъ плотно, что стараясь подъ водой сорвать ее обѣими руками, она не могла отодрать ее отъ своего лица и начала тонуть. Что-то ударило ее по ногамъ, и она вынырнула на поверхность. Косынка слетѣла съ ея головы. Увидѣвъ на водѣ спасательный кругъ, быть можетъ, ею же потерянный, она вцѣпилась въ него обѣими руками и повисла на немъ. Она видѣла, какъ рядомъ съ нею тонулъ человѣкъ. Она понимала, что нужно подтолкнуть къ нему свой кругъ и онъ, быть можетъ, спасется, но совершенно закоченѣвъ, она не могла сдѣлать ни одного движенія. Надъ водою мелькнули руки, и человѣкъ исчезъ. Ее охватилъ безумный ужасъ, и она стала биться на кругѣ. Ее подняли на миноносецъ. Первое, что ей бросилось въ глаза, была несчастная гр. Татищева, которая, уже спасенная «Смѣтливымъ», съ отчаяньемъ звала своего погибшаго мужа.

Софія Авчинникова (*сидитъ слѣва*), Анна Мейендорфъ (*сидитъ средняя*), Т. Александрова (*сидитъ справа*), Моизъ Жоржетти (*стоитъ крайній справа*) на палубѣ „Португаля".

Сестра Екатерина Васильевна Авчинникова послѣ удара мины бросилась искать свою сестру Софію. Она успѣла обѣжать тѣ помѣщенья, въ которыхъ она надѣялась найти свою сестру, и захватить два пояса. Въ это время взорвались котлы, и палуба стала ломаться подъ ея ногами. Попавъ въ полосу вырывавшагося изъ машиннаго отдѣленія дыма и пара, ничего передъ собою не видя, она продолжала двигаться впередъ, наскоро надѣла на себя одинъ изъ поясовъ поверхъ бывшаго на ней теплаго пальто и, не выпуская изъ рукъ второго пояса, все съ тою же всецѣло овладѣвшею ею мыслью о сестрѣ, бросилась въ море и была подобрана однимъ изъ ботовъ.

Сестра Марта Августовна Юргенсонъ брала наканунѣ ванну, и потому легла очень поздно и въ моментъ катастрофы была еще въ постели. Услыхавъ въ корридорѣ чей-то голосъ: «Спасайтесь! Подводная лодка!» она выскочила изъ своей каюты, набросивъ на себя ночную кофту и кое какъ натянувъ башмаки на свои босыя ноги. Увидавъ въ корридорѣ старшую сестру бар. Мейендорфъ, она кинулась къ ней. Не успѣли онѣ обмѣняться нѣсколькими словами, какъ раздался взрывъ котловъ. Обѣ побѣжали къ трапу. Юргенсонъ стала подниматся по трапу. Когда она достигла салона, подъ нею и вокругъ нея все стало ломаться. Стараясь удержаться на ногахъ, она ухватилась за какой-то предметъ и вмѣстѣ съ нимъ погрузилась въ воду. Подъ водою ее долго вертѣло. Потерявъ надежду на спасенье, она старалась открыть ротъ, чтобы скорѣе захлебнуться. Изъ водоворота ее внезапно выбросило волной въ сторону «Смѣтливаго». Ухватившись за плававшее бревно, она держалась за него пока ее въ полусознательномъ состояніи не подобрали на шлюпку. Придя въ себя и чувствуя, что ее куда-то поднимаютъ она нѣкоторое время ничего не могла видѣть и, думая, что ослѣпла, нѣсколько разъ повторила: «Я ничего не вижу».

Е. Василіу (*стоитъ крайняя слѣва*), А. Обольсина (*стоитъ вторая слѣва*), К. Лихтанская (*стоитъ справа*), С. Авчинникова (*сидитъ вторая слѣва*), Т. Александрова (*сидитъ третья слѣва*), А. Тихменева (*въ сѣромъ платьѣ*) на палубѣ „Портюгаля".

Сестра Пелагея Михайловна Самойлова передъ катастрофою находилась въ аптекѣ, помѣщавшейся на лѣвомъ борту «Портюгаля», оттуда замѣтила на водѣ черезъ иллюминаторъ перископъ подводной лодки. Она тотчасъ же пошла въ свою каюту и, захвативъ спасательный поясъ, вышла на палубу, держа поясъ въ рукахъ и не рѣшаясь его надѣть изъ опасенья вызвать преждевременную панику. Послѣ взрыва она бросилась въ море съ кормы и была подобрана на миноносецъ.

Сестра Анна Алексѣевна Пославская, находясь еще въ каютъ-компаніи, увидала на водѣ перископъ черезъ иллюминаторъ, зашла въ свою каюту и, захвативъ поясъ, вышла на палубу. Послѣ взрыва она перебѣжала съ праваго борта на лѣвый. Ухватившись за перила, она держалась на борту до тѣхъ поръ, пока палуба не встала почти вертикально, Тогда, сорвавшись, она попала въ водоворотъ. Въ водѣ ее крутило, и она чувствовала по всему тѣлу удары разныхъ предметовъ и обломковъ. Она зажала ротъ, думая такимъ образомъ скорѣе умереть отъ паралича сердца. Ее выкинуло изъ водоворота въ сторону «Смѣтливаго». Она попробовала плыть, но ноги ея не дѣйствовали. На свой крикъ: «Спасите!» она услыхала съ миноносца отвѣтъ: «Держитесь, спасемъ!» и вскорѣ ее подняли на «Смѣтливый».

Сестра отряда Краснаго Креста, Зинкевичъ, была подобрана однимъ изъ траулеровъ. Въ водѣ съ нея сорвало пальто, верхнюю юбку и косынку.

Другая сестра этого отряда, Яунсліаветъ, попавъ въ воду поплыла къ «Смѣтливому». Ей бросили конецъ, который она тутъ же свернула и перебросила утопавшему вблизи матросу. Поднятая на миноносецъ вмѣстѣ со спасеннымъ ею матросомъ, она, обсушивъ свою одежду въ кочегаркѣ, съѣхала на берегъ вмѣстѣ со священникомъ своего отряда и съ нимъ же отправилась на передовыя позиціи. Такое хладнокровіе сестры произвело большое впечатлѣнье на всю команду миноносца.

Изъ санитаровъ спаслось 53 человѣка. У одного изъ нихъ гвоздемъ доски была сорвана половина носа.

Большинство изъ спасшихся съ «Портюгалія» пострадало отъ полученныхъ въ водѣ ушибовъ.

Всего было спасено: 185 человѣкъ изъ экипажа «Портюгалія» и 4 человѣка изъ отряда Краснаго Креста.

Многіе изъ спасшихся съ «Портюгалія» тотчасъ же выразили желанье быть вновь назначенными на другое госпитальное судно.

Вмѣстѣ съ госпитальнымъ судномъ «Портюгаль» погибли:

Изъ персонала Краснаго Креста:

1. Уполномоченный графъ Леонидъ Татищевъ.
2. Фармацевтъ Александръ Рытвинскій.
3. Завѣдующій хозяйствомъ Павелъ Левицкій, бывшій помощникомъ присяжнаго повѣреннаго въ Екатеринославѣ.
4. Старшая сестра баронесса Анна Мейендорфъ, общины Св. Георгія.
5. Сестра Генріетта Медзыховская, бывшая классною дамою въ Одесской гимназіи Висковатовой, Касперовской общины.
6. Сестра Елена Селява Касперовской общины.
7. Сестра баронесса Валентина Арпсгофенъ, Касперовской общины.
8. Сестра Анна Минаева бывшая учительница городской школы въ Екатеринославѣ. Екатерининской общины.
9. Сестра Татьяна Александрова, бывшая учительница городской школы въ Екатеринославѣ, Екатериненской общины.
10. Сестра Ксенія Лихтанская, Екатериненской общины.
11. Сестра Софія Авчинникова, Екатериненской общины.
12. Сестра Елена Воронова, Екатериненской общины.
13. Сестра Олимпіада Ющукъ, Екатериненской общины.
14. Сестра Екатерина Василіу, перешедшая на «Портюгаль» изъ одного изъ Екатеринославскихъ лазаретовъ.
15. Сестра Антонина Обольсина, Крестовоздвиженской общины (въ г. Ревелѣ), принимавшая участье въ Японской компаніи.
16. Аделаида Тихменева, завѣдующая бѣльемъ, мать коменданта «Портюгаля», взявшая на себя обязанности кастелянши.
17. Горничная Екатерина Крушевская.
18. Горничная Ирина.
19. Санитаръ Феликсъ Невинскій.
20. Санитаръ Кузьма Доца.
21. Санитаръ Григорій Яровой.
22. Санитаръ Федоръ Степаненко.
23. Санитаръ Алексѣй Скульскій.
24. Санитаръ Василій Чухновъ.
25. Санитаръ Кононъ Пиленко.
26. Санитаръ Зиновій Литвиновъ.
27. Санитаръ Петръ Кинъ.
28. Санитаръ Петръ Классенъ.
29. Санитаръ Парфеній Топоръ.
30. Санитаръ Захарій Амбросимовъ.
31. Санитаръ Яковъ Илюнкинъ.
32. Санитаръ Поликарпъ Бурдюговъ.

П. Левицкій, Т. Александрова и С. Авчинникова (*сидятъ*), Е. Василіу (*въ темномъ платьѣ*) въ салонѣ „Портюгаля".

33. Санитаръ Ефимъ Ткаченко.
34. Санитаръ Григорій Куслій.
35. Санитаръ Лукіанъ Смоглій.
36. Санитаръ Ефимъ Канишевскій,
37. Санитаръ Ананій Заболотній.
38. Санитаръ Павелъ Чертокъ.

Изъ судовой команды:

39. Помощникъ капитана Германъ Баутцъ.
40. Механикъ Нѣмченко.
41. Радіотелеграфистъ Моизъ Жоржетти, французъ,

Изъ русской команды 21 человѣкъ.
Изъ французской команды 18 человѣкъ.

Изъ случайно находившагося на «Портюгалѣ» отряда Краснаго Креста:

1. Врачъ Алексѣй Панкрышевъ.
2. Сестра Елена Азерская.
3. Сестра Екатерина Тынякова.
4. Сестра княжна Анна Андроникова.
5. Сестра Евгенія Флегинская.

Всего 85 человѣкъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на имѣвшіеся у нихъ спасательные пояса, погибли будучи убитыми въ водѣ бревнами и обломками судна.

* * *

19 марта роковая вѣсть о преступномъ потопленіи «Портюгаля» разнеслась по всей Россіи и вездѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. Охваченная скорбью, ужасомъ и негодованьемъ Россія оплакивала своихъ безвременно и невинно погибшихъ дѣтей—служителей святого дѣла милосердія—и повсемѣстно возносила горячія молитвы объ упокоеніи ихъ чистыхъ душъ. Во всѣхъ городахъ были отслужены панихиды. Начальствующія лица, представители разныхъ учрежденій и обществъ, частныя лица, родственники и друзья погибшихъ и простой народъ спѣшили въ храмы помолиться объ усопшихъ.

Русское правительство разослало ноту правительствамъ всѣхъ союзныхъ и нейтральныхъ государствъ, сообщая имъ о потопленіи непріятелемъ своего госпитальнаго судна, «предоставляя это преступленье на судъ совѣсти цивилизованныхъ народовъ» и предъявляя черезъ посредство Америки протестъ правительствамъ вражескихъ государствъ.

Государственная Дума, почтивъ память погибшихъ вставаньемъ, постановила «выразить свое глубочайшее возмущенье и заклеймить позоромъ предательскій поступокъ врага, о таковомъ своемъ постановленіи сообщить парламентамъ всѣхъ союзныхъ и нейтральныхъ государствъ».

Государственный Совѣтъ, выразивъ «ужасъ и негодованье по поводу гнуснаго нападенья на госпитальное судно «Портюгаль», почтилъ вставаньемъ «святую память погибшихъ» и постановилъ «выразить Россійскому обществу Краснаго Креста свое душевное соболѣзнованье».

Петроградская городская Дума постановила «почтить память погибшихъ и присоединить свой голосъ ко всеобщему протесту».

Московская городская Дума постановила «погибшимъ на «Портюгалѣ» соорудить на Братскомъ кладбищѣ памятникъ по конкурсу, участье въ которомъ должно быть предоставлено всѣмъ народамъ, борющимся вмѣстѣ съ Россіей за идеи права, открывъ для сооруженья этого памятника всероссійскій сборъ пожертвованій». Для этой цѣли Московская Дума ассигновала 25,000 р.

Екатеринославская городская Дума, почтила вставаньемъ память погибшихъ на «Портюгалѣ» екатеринославцевъ и постановила выразить ихъ семьямъ соболѣзнованье.

Общество сестеръ милосердія второй отечественной войны постановило учредить въ своемъ пріютѣ именныя кровати въ память каждой изъ погибшихъ на «Портюгалѣ» сестеръ.

Русскія женщины обратились въ международный комитетъ Краснаго Креста съ покрытымъ тысячими подписей протестомъ, озаглавленнымъ: «Нельзя молчать» и приглашающимъ къ присоединенію «всѣхъ женщинъ, раздѣляющихъ скорбь о погибшихъ подъ человѣколюбивымъ знакомъ Креста и омерзеніе къ ихъ убійцамъ».

Во всей русской печати и во многихъ иностранныхъ газетахъ появились горячіе отклики, выражавшіе сочувствіе къ свѣтлой памяти жертвъ и единодушное осужденіе позорному поступку варваровъ.

Россійское Общество Краснаго Креста разослало во всѣ центральные комитеты Краснаго Креста протестъ противъ нарушенія вражеской подводной лодкой § 5 ст. 10 Гаагской конвенціи 1907 г. и постановило прекратить сношенія съ Краснымъ Крестомъ вражескихъ странъ и турецкимъ Краснымъ Полумѣсяцемъ до присоединенія ихъ къ этому протесту.

Отъ Краснаго Креста союзныхъ и нейтральныхъ странъ были получены телеграммы выражавшія полное сочувствіе и негодованіе.

Австрійскій, Венгерскій и Германскій Красный Крестъ ограничился сожалѣніемъ о гибели медицинскаго персонала.

Такъ совершилось величайшее, можетъ быть, изъ содѣянныхъ нѣмцами злодѣяній.

На Черномъ морѣ встрѣтились и столкнулись два противоположныхъ жизнепониманія, двѣ вѣчно борющіяся силы: сила Креста—символа высшаго духовнаго совершенства—и сила зла, растлѣвающая человѣческую душу и порождающая въ ней самыя низкія ея способности.

При нападеніи на беззащитное судно и его персоналъ, наивно довѣрявшій свою жизнь единственной охранѣ Креста, подводной лодкѣ, снабженной всѣми приспособленіями для истребленія враговъ и собственной обороны, легко досталась побѣда въ неравной и преступной борьбѣ.

Имѣя передъ собою два русскихъ миноносца и два дессантныхъ траулера, съ которыми она могла бы вступить въ честный бой, она избрала для нападенія единственное мирное судно. Къ нему она подкрадывалась, не торопясь, разглядывая его и зная, что на немъ нѣтъ пушекъ, могущихъ встрѣтить ее выстрѣлами Она видѣла, какъ въ смертельномъ ужасѣ метались по палубѣ безоружные люди, знавшіе, что помощи имъ не откуда ждать... Выпустивъ неудачно первую мину, ей не зачѣмъ было спѣшить со второй. Она спокойно обошла «Портюгаль» и, взявши точный прицѣлъ въ самое сердце корабля—его машинное отдѣленіе,—пустила на вѣрняка свою вторую мину.

Потерявшіе честь, совѣсть и разумъ убійцы, совершивъ безнаказанно свое постыдное и безсмысленно жестокое дѣло, быть можетъ, гордились своимъ успѣхомъ....

Возможно, что эта лодка принадлежала Турціи. Но въ личномъ составѣ турецкаго флота, извѣстномъ скудостью своего техническаго образованія, нѣтъ ни офицеровъ ни матросовъ, способныхъ обслуживать субмарины, которыхъ до начала войны у турокъ не было вовсе. Ихъ подводныя лодки всѣ нѣмецкой конструкціи и обслуживаются нѣмецкою же командою.

Потопленіе госпитальнаго судна «Портюгаль» логически вытекаетъ изъ всей нѣмецкой системы жестокостей и насилій надъ непричастными къ военнымъ дѣйствіямъ людьми,—системы, имѣющей цѣлью устрашеніе воюющихъ съ Германіей народовъ. Этотъ чудовищный актъ не что иное, какъ результатъ высшаго напряженія злой воли націи, обезумѣвшей отъ цѣлаго ряда совершенныхъ ею преднамѣренныхъ звѣрствъ, беззастѣнчиво попирающей всѣ законы, не только человѣческіе, но и Божескіе,—народа постепенно и послѣдовательно возрастившаго въ душѣ своей позорныя свойства палачей.

Потопивъ позднѣе, также въ Черномъ морѣ, замѣнившее «Портюгаль» госпитальное судно «Впередъ», нѣмцы, наглымъ повтореніемъ своего всемірно осужденнаго преступленія, еще разъ подтвердили свою рѣшимость не считаться ни съ какими правами и обязательствами, а равно и съ основными требованіями нравственности.

Въ трагической гибели «Портюгаля», въ преднамѣренномъ убійствѣ мирныхъ и самоотверженныхъ людей повиненъ весь нѣмецкій народъ, представители котораго въ засѣданіи германскаго рейхстага изъявили, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, не только свое согласіе, но и одобреніе тѣмъ безчеловѣчнымъ пріемамъ морской войны, нарушающимъ всѣ международные законы и права, примѣнять которые рѣшается одна Германія.

Несмываемымъ пятномъ осквернень и опозоренъ флагъ нѣмецкаго флота.

Окончится война. Быть можетъ, опомнится Германія, и устыдятся имени своихъ отцовъ потомки морскихъ злодѣевъ...

На днѣ морскомъ лежитъ «Портюгаль», жертва грубой силы и злой человѣческой воли. Кощунственной рукой разломаны его кресты. Поглощены волнами подвижницы — сестры, беззавѣтно отдавшія свои молодыя жизни во имя милосердія къ нуждающимся въ ихъ помощи, не только своимъ, но и врагамъ. Погибли служители долга человѣколюбія: врачъ, госпитальные чины и санитары. Нашли смерть при исполненіи своихъ обязанностей на безоружномъ суднѣ офицеры и матросы судовой команды. Но сила ихъ духа осталась непобѣжденною, когда, предъ лицомъ смерти многіе изъ нихъ пренебрегали своимъ собственнымъ спасеніемъ, спасая другихъ—добровольно и безтрепетно отдавая свою жизнь другъ за друга—, и гибли смертью героевъ.

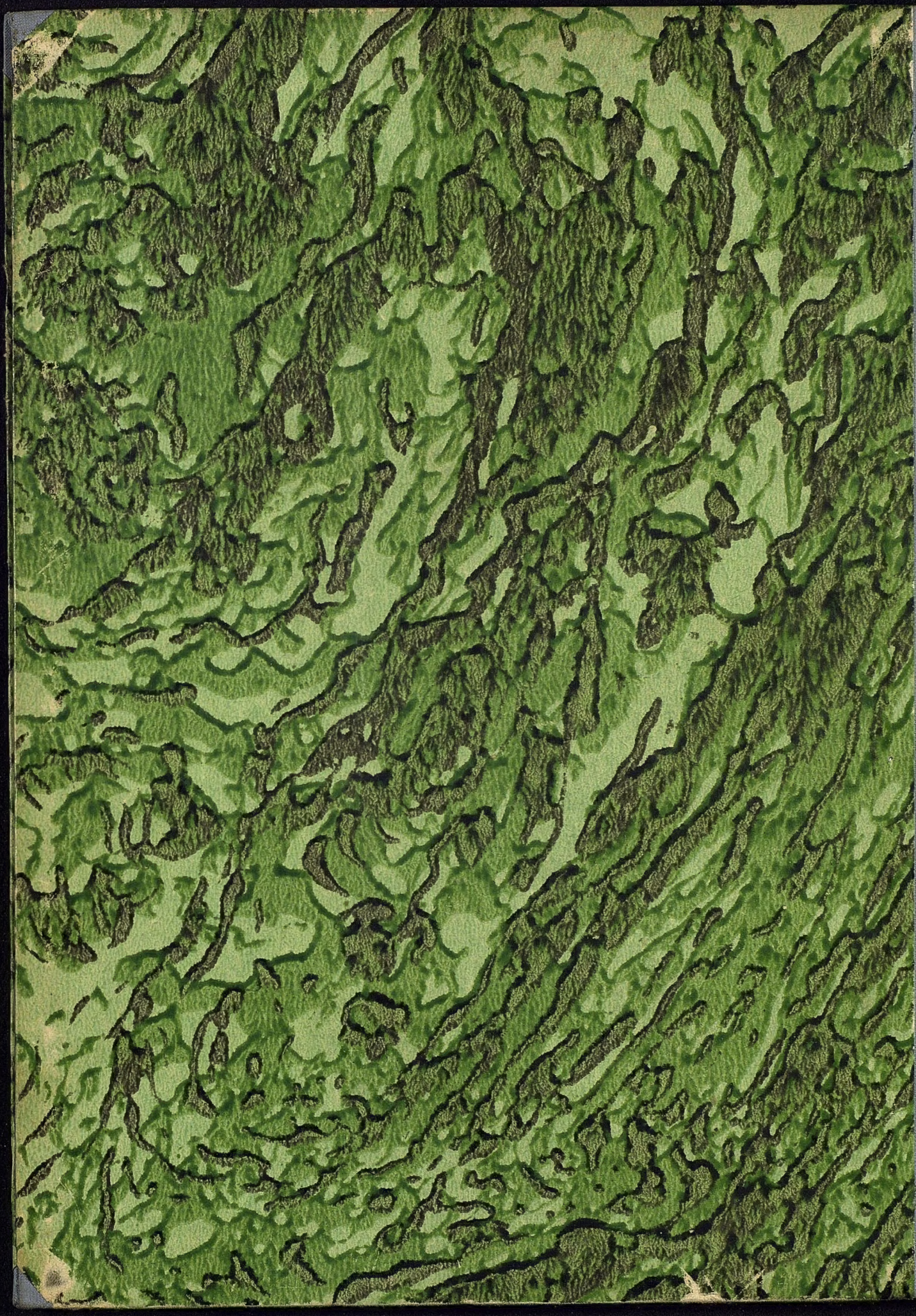
Не поколебался и духъ тѣхъ, которымъ не было суждено умереть. Едва оправившись отъ пережитаго ими нравственнаго потрясенія и полученныхъ большинствомъ изъ нихъ тяжкихъ физическихъ поврежденій, они поспѣшили возобновить свою плодотворную работу, поступивъ на другіе госпитальныя суда и въ лазареты.

На мѣсто «Портюгаля» пошли въ море другіе госпитальныя суда. Взамѣнъ каждаго врача, сестры и санитара въ ряды воинства Христова вступили, воодушевленные доблестнымъ примѣромъ безвременно погибшихъ тружениковъ, сотни другихъ врачей, сестеръ и санитаровъ, продолжая ихъ святое дѣло....

Не забудутся ставшее историческимъ имя «Портюгаль» и славныя имена павшей на немъ Христовой рати. Своимъ вѣрнымъ и смиреннымъ сынамъ и дочерямъ, схороненнымъ въ волнахъ Чернаго моря, Россія въ сердцѣ своемъ—Москвѣ, на Братскомъ кладбищѣ «смертью храбрыхъ на полѣ брани павшихъ», воздвигнетъ памятникъ и на немъ съ благоговеніемъ и гордостью начертаетъ ихъ имена.

«Сила не въ силѣ, а сила въ любви».

Б***

Одесса, 17 октября 1916 года.

Примѣчаніе автора. Очеркъ „Портюгаль" составленъ на основаніи изданій Высочайше Учрежденной Слѣдственной Комиссіи и Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста и разсказовъ, письменныхъ и устныхъ—оставшихся въ живыхъ.